

Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории – Владикавказ: Ир, 2001.

<http://iriston.info>

Протоаланы. Этногенез ранних алан. (I)

Январь 22, 2010

Интерес к протоаланам в этногенезе ранних алан весьма значим, ибо в зависимости от того, какое племя или группа племен тем или иным исследователем рассматривается в качестве непосредственных предков алан, решается вопрос о времени и месте генезиса последних. Напомним, что опираясь на С.А.Арутюнова (Арутюнов 1989, с.8–9), под этногенезом мы понимаем процесс, в результате которого из ранее существовавших этносов и групп складывается новый этнос, осознающий свое отличие от предшественников и выражающий самосознание через новое самоназвание (восходящее, как правило, к одному из ранее известных этнонимов, но приобретающее качественно отличное содержание). Интерес к протоаланам в этногенезе ранних алан весьма значим, ибо в зависимости от того, какое племя или группа племен тем или иным исследователем рассматривается в качестве непосредственных предков алан, решается вопрос о времени и месте генезиса последних. Напомним, что опираясь на С.А.Арутюнова (Арутюнов 1989, с.8–9), под этногенезом мы понимаем процесс, в результате которого из ранее существовавших этносов и групп складывается новый этнос, осознающий свое отличие от предшественников и выражающий самосознание через новое самоназвание (восходящее, как правило, к одному из ранее известных этнонимов, но приобретающее качественно отличное содержание).

В историографии накопилось немало гипотез о непосредственных предках алан. В основном, оформилось два направления: 1) «автохтонисты» происхождения алан понимают как процесс развития скифо–сарматского населения Северного Кавказа; 2) группа ученых этногенез ранних алан связывает со Средней Азией. Если же детализировать взгляды специалистов, то версий по данному вопросу окажется гораздо больше (по подсчетам С.А.Яценко (1993, с.60) – восемь).

Наиболее последовательным сторонником «автохтонной» версии остается Ю.С.Гаглойти. Не отрицая в принципе связи в целом алан с сако–

массагетским миром Приаралья, ученый вместе с тем убежден, что конкретно предкавказские аланы генетически связаны со скифами и сарматами, издавна населявшими эти места. Опираясь на данные отдельных античных авторов, Ю.С.Гаглойти аорсов и сираков выводит от скифов. Аорсы же, по мнению ученого, «это те же аланы» (1966; 1995).

Аналогичной позиции придерживаются В.И.Марковин и Р.М.Мунчаев; «ключ к пониманию этногенеза осетинского народа и происхождению его культуры» они видят в «ассимиляции носителей Кобанской культуры» последовательно «скифскими, сарматскими и аланскими ираноязычными племенами» (Markowin, Muntschajew 1988, S.89).

«Массагетская» версия разрабатывается как археологами, так и лингвистами. Например, согласно В.И.Абаеву, аланы порождены восточной ветвью скифо-массагетской среды: «Прямыми предками осетин являются, как известно, аланы, которым, по заслуживающему доверия свидетельству Диона Кассия и Аммиана Марцеллина, приписывается массагетское, то есть среднеазиатское происхождение, и которые уверенно локализируются в Южной России и на Северном Кавказе только с конца I тыс. до н.э.» (Абаев 1965, с. 120).

«Аорские» корни алан рассматриваются многими исследователями (Артамонов 1962, с.43, 359, 457; Виноградов 1963, с. 106–107, 161–165). Особая позиция была у К.Ф. Смирнова. Принимая алан за выходцев из степей Северного Прикаспия, «вызревавших» в аорской среде, он одновременно связывал их с массагетами (Смирнов 1984, с. 121–123). Ряд исследователей выводит алан от различных племен Средней и Центральной Азии (Фрай 1972; Керэфов 1988; Раев 1989; Скрипкин 1990; Гугуев 1992; Яценко 1993). Отметим определенную корректировку взглядов Р. Фраем. В одной из последних своих работ, подтвердив центральноазиатские корни алан, в частности, их связь с асиями/асами, он в качестве «рабочей гипотезы» указал на связь между аланами и эфталитами. Долина Или, «возможно, была родиной как эфталитов, так и алан до их миграций» (Frye 1996, p. 2, 4–5). Как историографический факт отметим ошеломившее кавказоведов предложение А.О.Наглера видеть в аланах не этнос, а «социальный слой сарматского общества, из которого формировалась военная знать» (Наглер, Чипирова 1985, с.90).

Вышеизложенное, а также отмеченный в последние годы «небывалый подъем, буквально взрыв интереса к проблемам истории и культуры сарматских племен» (Виноградов 1994, с. 151), включая алан,

оправдывает наше обращение к поиску круга племен, относившихся к протоаланам.

Судя по античной традиции, какая-то часть протоалан относилась к скифскому миру. Страбон роксалан называл «последними из известных скифов» (Страбон 1991, с. 169). В данном случае очевидно, что географ употреблял термин «скифы» именно в этническом смысле, а не использовал его как синоним слова «варвары». Иосиф Флавий «об аланском народе» также «упомянул как о скифском племени, живущем на берегах Танаиса и Меотийского озера» (Иосиф Флавий 1991а, с.435). Сарматов вообще Иосиф также считал «скифским племенем» (там же). И в данном случае имеется ввиду этническая близость перечисленных племен, т.к. соседних с ними «варваров» (например, германцев) Флавий не называет «скифами». Лукиан писал о совпадении языка и одежды скифов и алан. «Ибо и то, и другое одинаково у алан и скифов; аланы не носят только таких длинных волос как скифы» (Лукиан 1935, т.1, с.318). Скифами назвал алан Арриан (КДПАА, с.314–315). Наконец, по Птолемею, в районе Меотиды проживали «скифы-аланы» (Птолемей 1990, с. 148). Оригинально интерпретирует сообщение Птолемея Т.А.Габуев (1998, с.27–28). По его мнению, этноним «аланы-скифы» указывает на то, что Птолемей считал «алан выходцами из Скифии, которая простиралась к востоку от Волги и охватывала большую часть среднеазиатского региона». В конечном итоге у Т.А.Габуева информация Птолемея о «скифах-аланах» трансформируется в понимание «алан как части восточных скифов», т.е. массагетов. Такая смелая, новаторская трактовка свидетельства Птолемея может вызвать возражения; по сути вся концепция держится исключительно на критике одного источника.

В конце прошлого века в пользу скифского происхождения алан высказались В.Ф.Миллер (1887, с. 101) и В.А.Кулаковский (1899, с.3, 4, 13, 33). Гипотезу дореволюционных ученых в наши дни на археологическом материале пытается подтвердить Н.Е.Берлизов. Согласно его выборке, 236 погребений из 18 могильников Центрального Предкавказья сарматского времени по обряду оказались близки, с одной стороны, 93 средневековым аланским, а с другой стороны — 73 позднескифским. Во II в. до н.э. в Центральном Предкавказье осела компактная группа, «родственная поздним скифам Крыма», возможно, адаптировавшая какую-то часть местного населения и соседних сарматов. Во II–I вв. до н.э. эта группа взяла под контроль предгорья Центрального Кавказа,

заходя на западе дор. Лабы. Со II в. н.э. ареал исследуемых памятников смещается на восток — в бассейн среднего Терека. Погребальный обряд и конструкция катакомб «становятся особенно близки средневековым аланским V–VIII вв.». Примерно в это же время (II в. н.э.) «в Предкавказье появляются памятники», которые Н.Е.Берлизов связывает «с аланами–маскутами». Их взаимодействие с «потомками скифов и кобанцев привело к окончательному оформлению культурного комплекса, характерного для алан, в эпоху позднего средневековья» (Берлизов 1996а, с.106, 113–115). Однако аргументы исследователя уязвимы для критики. Так, появление катакомб в Центральном Предкавказье, по мнению многих археологов, связано скорее не со скифами, а с восточными ираноязычными племенами. Еще больше трудностей возникает с доказательством миграции скифов Крыма на Северный Кавказ. Что касается аналогий сарматским погребениям Центрального Кавказа последних веков до н.э., то, опять–таки, немало аналогий к ним можно привести из памятников с востока. Все это делает версию Н.Е.Берлизова вероятной, но далеко не бесспорной.

Свою гипотезу Н.Е.Берлизов попытался подкрепить выкладками антропологических данных (Берлизов 1996, с.31). «Сравнение краниологических серий как будто бы подтверждает ранее сделанный вывод о решающей роли потомков скифских и массагетских племен в аланском этногенезе» (Берлизов 1998, с.36). Однако и эта попытка встретила резкие возражения со стороны специалистов, подчеркнувших, что «антропологический тип индивидуума не может быть индикатором этнической принадлежности. Это азы антропологии»; «не только антропологический тип индивида, но и антропологический тип популяции не могут служить, сами по себе, объективным этническим маркером или объективным критерием»; «результаты статистической обработки... представляются некорректными по сути. Истоки катакомбного обряда вовсе не обязательно связывать с поздними скифами Крыма или «массагетами Таласа или Ферганы»; «Что же касается антропологии, то автор демонстрирует недостаточное знание методологии этой науки и современных методических подходов к обработке палеоантропологических материалов» (Герасимова 1998; Яблонский 1998).

Более осторожно «скифскую» версию рассматривает М.П.Абрамова, по мнению которой роль скифов значима не столько в этногенезе алан,

сколько в этногенезе осетин. В формировании последних она рассматривает два этапа (опуская сарматский). Первый этап (VII–V вв. до н.э.) связан с господством в Центральном Предкавказье скифов; длительное пребывание последних в регионе способствовало их тесным контактам с местным населением и инфильтрации скифов на территорию предгорий, где складывалась смешанная группа населения. Иллюстрацией этому служат Нартановские курганы в Кабарде. Вероятно, «для этой группы было характерно двуязычие — владение как иранскими, так и местными языками». В то же время горные районы испытывали лишь некоторое влияние культуры скифов. Второй период М.П.Абрамова связывает с появлением на Северном Кавказе алан. Хотя это «и способствовало усилению процесса иранизации местного населения в результате несомненных контактов, однако в целом не изменило этнический состав оседлого населения этой зоны (исключение составляет район Кисловодска)». Эта картина характерна, по мнению ученой, для Западного Предкавказья (к которому почему-то отнесены могильники Зилги и Беслан); памятники этого района «не дают материалов, свидетельствующих о постоянном пребывании и об оседании здесь кочевых аланских племен...». В то время как «западные районы Предкавказья являлись зоной активных действий аланских племен, Восточное Предкавказье, как и территория Нижнего Дона, было местом постоянного их обитания». Исходя из того, что памятники алан здесь распространяются «примерно с середины III в.», вторую волну иранизации Центрального Кавказа М.П.Абрамова относит к рубежу II–III вв. Это относится к равнинным районам; население горной зоны процессу иранизации подверглось еще позже. В конечном итоге первую (западную, скифскую) волну иранизации М.П.Абрамова связывает «с формированием дигорского диалекта», а вторую (восточную, аланскую) — с формированием иронского (Абрамова 1993, с. 199–201).

Концепция М.П.Абрамовой наряду с рациональным зерном — демонстрацией скифского этапа в формировании раннесредневековых осетин (алан), противоречит данным лингвистики и археологии в отказе от сарматского этапа этого же процесса. Напомним предостережение В.И.Абаева об «опасной тенденции умалить значение скифо-сарматского элемента» в этногенезе осетин. Пребывание сарматов с III в. до н.э. в зоне Центрального Кавказа и именно в Северной Осетии подтверждается археологически. Наиболее ранние катакомбы и подбои происходят

именно с территории Северной Осетии — из Моздокского района (см. ниже).

Довольно большой сарматский подкурганый могильник совсем недавно был обнаружен на среднем течении Терека в Северной Осетии. Курганы расположены у сел. Заманкул примерно в 30 км на северо-запад от входа в Дарьяльское ущелье и в 15 км на восток от Эльхотовских ворот — важного стратегического прохода через Терский хребет. Предварительная датировка кладбища — III в. до н.э. — вторая половина I в. н.э. Хотя, по данным Я.Б.Березина и В.Л.Росту нова, подкурганные катакомбы сооружались здесь и позже, в IV–V вв. Археологи предполагают их связь с расположенным поблизости Брутским городищем первой половины тысячелетия.

В инвентаре исследованных захоронений обращает на себя внимание большое количество импорта. Интересен бронзовый этрусско-италийский шлем типа «Манхейм» (I в. до н.э.) — первая находка такого рода в юго-восточной Европе. К III в. до н.э. относятся чернолаковый канфар, ножка фасосской амфоры и др. Керамический комплекс могильника имеет выраженный кавказский облик; много культовых предметов: курильниц, двуручных сосудов с гальками внутри. Из предметов вооружения чаще всего встречаются железные наконечники стрел; они обнаружены в большинстве захоронений, а вот мечей — всего два (да один кинжал). Вместе с тем встречен неизвестный сарматам тип оружия — булава, более характерная для кобанцев вплоть до конца скифской эпохи. В целом, участники раскопок считают, что заманкульский могильник оставлен «группой сармат, уже в III в. до н.э. переваливших Терский хребет и обосновавшихся на Владикавказской равнине у входа в Дарьяльское ущелье. Длительное и близкое общение с местными горцами» сказалось на «кавказоидности» значительной части погребального инвентаря. По мнению археологов, «заманчиво было бы связать прекращение функционирования» могильника с аланскими походами I в. в Закавказье. Аланы проходили в Закавказье через Дарьял и «должны были оттеснить или уничтожить тех, кто контролировал дорогу в Закавказье раньше» (Березин, Росту нов 1994, с.47–50).

В сарматское время через Дарьяльский проход осуществлялись наиболее активные военные действия и походы. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические материалы. Переселяясь в Закавказье, сарматские племена вступали в тесные

контакты с оседлыми земледельческими племенами, что сказывалось на характере культуры и этническом составе автохтонного населения.

Вообще сарматы Северного Кавказа имели специфические черты, выделявшие их в сарматском мире III–I вв. до н.э. В частности, «обращает на себя внимание довольно резкое отличие района Кубани и Ставрополя по целому ряду важных признаков: ориентировка погребенных, особенности расположения погребений под курганной насыпью, оформление погребального ложа, использование ритуальных веществ, погребальный инвентарь». Археологи пришли к выводу о целесообразности выделения кубано–ставропольских памятников в рамки одной культуры и необходимости, вероятно, рассмотрения памятников раннесарматского времени Северного Кавказа отдельно от сарматских памятников более северных территорий (Статистическая...1997, с.186, 210).

На основе синтеза в равнинной и предгорной контактных зонах складывались принципиально новые этнообразования. Особую роль в этом процессе играл переход части сарматов к оседлости. Сарматы Предкавказья, переходя к стабильному кочеванию на землях, находившихся в сфере влияния оседлых племен, успешно осваивали отдельные элементы их культуры, утрачивая некоторые свои. Интересно, что немногочисленные богатые подкурганные погребения содержали золотые гривны, серьги, браслеты, соотносимые со скифским, а не сарматским искусством. Учитывая факт длительного пребывания скифов на Центральном Кавказе и вероятность оседания определенной их части и после ухода основной массы, следует согласиться с М.П.Абрамовой (1992; 1993; 1994) в том, что среди расселившихся здесь сарматов традиции скифского искусства оставались в силе. «В целом, археологические материалы показывают, что в материальной культуре сарматов Центрального Предкавказья III–I вв. до н.э. прослеживается сочетание как сарматских, так и местных северокавказских (или скифских) традиций».

До сих пор речь шла о европейских аланах и выводились они от европейских скифов. Однако в античной традиции бытовала и другая точка зрения, согласно которой аланы произошли от массагетов Средней Азии. Один из последних примеров — позиция Т. А. Габуева: характеристики алан как скифов и массагетов не противоречат, а дополняют друг друга. «Если характеристика алан, как части восточных

скифов, носит достаточно широкий характер, то указание на их массагетское происхождение в значительной мере сужает тот круг народов, из среды которых могли выйти аланы, поскольку массагетов древние авторы также относят к числу скифских народов» (Габуев 1998а, с. 85). Массагетские корни алан последовательно отстаивает С.А.Яценко (1993; 1998а).

Так, по Диону Кассию, в переводе В.В.Латышева, после окончания Иудейской войны (в 135 г.) царем Иверии Фарасманом «другая нойна была поднята из земли албанов (алан), по происхождению массагетов...» (Дион Кассий 1991, с.351). Перевод К.Гана несколько иной: «Фарасман (II) царь Иберийский, подучил Аланов или Массагетов напасть на владения Парфян и пропустил их через свои земли» (Ган 1884, с. 173). Аммиан Марцеллин, различая европейских и азиатских алан, в рассказе о походе Помпея упомянул «массагетов, которых мы теперь называем аланами» (Аммиан Марцеллин 1991, с.374). Представители древнеармянской историографии — Фавстос Бузанд, Егише, Мовсес Хоренаци и др. неоднократно писали о массагетах («маскутах»), отождествляемых с аланами (Армянские... 1985, в.1, с. 19–23, 29, 36, сл.). В дагестанской хронике «Дербенд–наме» упоминается область «Маскат — (тянется) от Табасарана и Кайтака до Маскура. Ее людей привели из Алана. Правителю ее дали имя Табун–шах» (Якуби 1927, с.21). Область «Маскат» древние авторы располагали, как правило, в северо–восточной части Азербайджана и лишь в раннее средневековье. Уже в IX в. Баладзори писал, что царство Маскат «теперь не существует» (Баладзори 1927, с.7).

Здесь же напомним, что античные авторы массагетов нередко причисляли к скифам в этнографическом смысле. Еще Геродот считал необходимым отметить дважды: «По мнению некоторых, массагеты — это скифское племя» (Доватур, Каллистов, Шишова 1982, с.85); «Одеждой, которую они носят, и образом жизни массагеты походят на скифов» (там же, с.93). Согласно Страбону, «Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями, более восточные из них называются массагетами и саками» (ДАСА, с. 23). Плиний в ряду «знаменнейших скифских народов» выделил массагетов (там же); аналогичный сюжет находим у Диодора (в переводе П.И.Прозорова) (Диодор 1992, с. 150).

В современной науке мнение о скифском (вариант: сакском) происхождении массагетов является доминирующим (В.И. Абаев, О.А.

Вишневская, Э.А. Грантовский, М.А. Дондамаев, М.А. Итина, К.Ф. Смирнов, И.В. Пьянков, В.В. Струве, С.П. Толстов и др.). К такому заключению ученые пришли на основе родства культур скифов, саков, массагетов, исседонов. В этом отношении интересна мысль

О том, что «археологическая культура номадов раннего железного века могла соответствовать двум и более этносам, а не отдельным их подразделениям, например, аорсам, массагетам, исседонам и т.д.» (Железчиков, Пшеничнюк 1994, с.5). Очевидно, аналогичную позицию занимает С. А. Яценко. Определяя содержание термина «культура» применительно к кочевникам Сарматии конца II в. до н.э. — сер.

I в. н.э., он пишет, что «речь идет, видимо, о конгломерате сходных культур союзов племен, мигрировавших с востока в ходе крупного перемещения в евразийских степях» (Яценко 1994, с.25–26).

На сходство многих элементов образа жизни, быта обычаев скифов и массагетов обратили внимание еще в древности см. [ТАБЛИЦУ](#) .

Таким образом, скифы и массагеты имели один язык, схожий образ жизни и обычаев, т.е. принадлежали к одному кругу ираноязычных племен. Скифо–массагетские корни алан подтверждаются многими сюжетами осетинского нартовского эпоса. Амазонские мотивы эпоса перекликаются с геродотовым рассказом о царице массагетов Тамирис (Толстова 1984, с. 186–210). Нартовские циклы о происхождении эпического народа, о Батрадзе, Сослане, волшебной чаше Нартамонга, гибели нартов и другие восходят к скифской эпохе (Абаев 1982;Дюмезиль 1990). Это является еще одним аргументом в пользу скифо–массагетского происхождения ранних алан.

К протоаланским племенам ученые относят и аорсов. Еще в конце XIX в. независимо, очевидно, друг от друга, В.Гутшмид (1888, S.69) и Ф.Хирт (1899, S.251) доказывали, что аорсам соответствует народ Аньцай/Яньцай китайских источников. Ф.Хирт, в частности, писал: «Аньцай, название страны, расположенной севернее Парфии, которая во времена младшей династии Хань переименовала имя на Аланья; это имя я идентифицирую с аорсами Страбона и аланами других источников».

И.Маркварт поддержал названных авторов в том, что этноним «аорсы» является ранним названием алан, но в противовес им утверждал, что китайское «древнее произношение Am-tsai» соответствует «массагетам» (Markwart 1905, S.82–87). Этноним «аорсы» И.Маркварт понимал как почетное самоназвание господствующего племени в союзе

приаральских массагетов, «образовавших мощное кочевое объединение, простиравшееся от Аральского моря до Танаиса» (Markwart 1905, S.86–87). Сходную позицию занимает Б.М.Керефов, по мнению которого после событий II в. до н.э. в районе северо-восточного Приаралья возник сармато-массагетский союз, в котором аорсы играли ведущую роль (Керефов 1988, с. 130–131).

Противоречивую позицию занимал Е.Тойблер. С одной стороны, он признавал создание в 120 г. до н.э. в арало-каспийской степи крупного союза племен, включая «Аньцай, материнский народ алан», отмеченный «в низовьях Яксарта и у Аральского моря. Тут кроме исторически закрепленного равенства Аньцай=Аланы, лингвистически констатируется равенство Аньцай=Аорсы, из чего следует равенство Аланы=Аорсы...» (Taibler 1909, S.22). С другой стороны, категорически утверждал: «Несмотря на тождество этнонимов Аньцай=Аорсы и Аньцай=Аланы, имена Алан и Аорсов не идентичны, но дополняют друг друга как две части одного народа, отделенных друг от друга судьбой» (Taibler 1909, S.23).

Тождество этнонимов «яньцай», «аорсы», «аланы» безоговорочно признавал В.В.Бартольд: «Яньцай есть, несомненно, китайская транскрипция народного названия аорсов; в I в. н.э. китайцы говорят о переименовании владения Яньцай в Аланья и с того времени у классических писателей вместо названия аорсы для обозначения того же народа появляется название аланы» (Бартольд 1963, ч.1, с.813–814). Эту мысль ученый повторил неоднократно (Бартольд 1965, с.32–33). Столь же определенно высказался М.И.Ростовцев. В одной из работ, вышедшей в Кембридже в 1936 г., он писал: «Происхождение аорсов и аланов известно». Сопоставляя данные анналов «ранней» и «поздней Хань», он пришел к заключению, что «аорсы западных источников являются йентсай китайских 'Анналов' и спустя некоторое время после 25 г. по Р.Хр. другое племя одержало верх над ними и дало собственное наименование — аланы — всей конфедерации кочевников, которую оно контролировало. Не случайно название аорсы исчезает из западных источников во второй половине I в. по Р.Хр., когда на его месте оказывается этноним аланы (возможно, уже с 35 г. по Р.Хр.)» (Ростовцев 1993, с.92). Из современных исследователей данную идею наиболее последовательно отстаивают Ю.С.Гаглойти (1962, с. 150–155) и В.Б.Ковалевская (1984, с.80; 1995, с. 124).

Точку зрения на «яньцай» как «аорсов» недавно попытался пересмотреть Ю. Зуев. Он обратил внимание на то, что термин, который кроется в транскрипции яньцай или аньцай китайских памятников, интерпретируется учеными по-разному. Одни (Ф.Хирт, А.Гутшмид, Э.Пуллейблэнк и др.) видят в нем аорсов, И.Маркварт считал их массагетами, Цэнь Чжуимянь — кипчаками, О.Менчен-Хелфен и В.Хауссиг — эфталитами. Ю.Зуев присоединился к сторонникам еще одной версии. В утраченном сочинении «Хэнь шу цзегу» (Толкование текста «Истории Хань»), цитированном в комментариях к «Историческим запискам», говорилось, что «Яньцай это Хэсу». Вслед за Сиратори и Теггардом, Ю.Зуев в этом варианте видит отражение названия упоминаемого Плинием Старшим (23–79 гг.) сармато-аланского племени абзоев: «По сю его (Каспийского моря — Ф.Г.) сторону (т.е. западной стороны — Ю.З.) — номады и савроматы под многими отдельными именами, а по ту сторону (т.е. на востоке — Ю.З.) — абзои с неменьшим количеством названий». По заключению исследователя, терминабзой ('также как и яньцай/ хэсу) — политоним, в значительной степени синонимичный термину сармат (Зуев 1995, с.41). Однако эта точка зрения вызывает слишком много вопросов, и пока не видно сколько-нибудь веских аргументов, чтобы ее предпочесть традиционному толкованию соотношения яньцай/аорсы.

Традиционную точку зрения недавно попытался пересмотреть и А. А. Цуциев. Он полагает, что «надежных данных об аорсах, как о племени, населявшем Приаралье, у нас нет. Кроме того, Ф. Теггардом показана невозможность лингвистического отождествления аорсов и Яньцай». В связи с этим Яньцай сопоставляется с наиболее могущественными кочевниками Арало-Каспия того времени племенами сако-массагетского круга. В китайских источниках они известны под именем сэ. Но ни разу китайские памятники не упоминают массагетов; вероятно, они фигурируют под каким-то другим названием. Обратив внимание на совпадение локализации и этнических характеристик массагетов Страбона и Яньцай китайских авторов, исследователь в качестве «рабочей гипотезы» предполагает, что «именно массагеты были известны китайцам как Яньцай» (Цуциев 1999, с. 15–16).

Обобщая изложенное, отметим, что, по мнению большинства специалистов, аорсы / =яньцай/ — это протоаланское племя, господствовавшее в крупном объединении племен, видимо, массагетского круга, часть которого ближе к концу I тысячелетия до н.э.

мигрировала из Приаралья на запад. Удивительно, но почти через тысячу лет после описанных событий по существу то же самое повторил Масуди в рассказе об аланской гвардии хазарского кагана. В издании Н.А.Караулова интересующий нас сюжет приведен следующим образом: «Большая часть населения в царстве хазар составляют мусульмане, так как из них составлено войско царя; они называются Ларисия (в переводе В.Ф.Минорского — алларисийа, арсийа) родом приблизительно из Хуварезма (у В.Ф.Минорского — «из окрестностей Хорезма»). В древние времена, вскоре после появления (возникновения) ислама, случилась в их государстве война и чума, они и приютились в царстве хазар; это люди храбрые и на смелость их царь хазар возлагает все надежды при своих войнах... В настоящее время из них 7000 составляют конную гвардию царя; они вооружены латами, касками и кольчугами...» (Караулов 1908, с.44–45).

Комментируя данный фрагмент, В.Ф.Минорский справедливо, на наш взгляд, предположил, что здесь имеются в виду, «по всей вероятности, аланы, которые жили сначала за Каспием на юг от Аральского моря. Арсийа звучит очень похоже на древнее аорси (по китайски яньцай). По-персидски имя аорси стало ас». Опираясь на показания китайских источников о переименовании Яньцай в Аланья («Алан, т.е. первоначально ариец»), В.Ф.Минорский разделил точку зрения о тождестве аорси и алан. Изменение имени он связывал с «результатом перехода господствующей роли в объединении племен к другому племени или клану» (Минорский 1963, с. 193–194 примеч.23).

Аргументом в пользу последней мысли может служить свидетельство Птолемея (VI, 14, 19) об аланорсах. Исследователи часто разбивают данный этноним на составные части: «алан» + «аорсы» (Altheim 1768, S.71). Но, если одни на основе этого доказывали бытование в конфедерации двух разных народов, то другие категорически не соглашались с этим, полагая, что «речь идет лишь о различных названиях, прилагавшихся к одной и той же этнической группе» (Гаглойти 1962, с. 153). Недавно появилась третья позиция — Т.А.Габуев (1998, с.27–28) отметил, «что аланы никем из античных авторов с сарматами не отождествляются, а иногда даже им противопоставляются». Что касается этнонима «аланорсы», то трактовка этнонима как алано–аорсы «неверна. Этот этноним прочитывается как белые аланы(В.И.Абаев) и рассматривать его как переходный нельзя». В другой статье Т.А.Габуев (1998а) вновь

исключает из «этнонима аланорсы аорсов как обязательный компонент», но признает «тесную взаимосвязь между аланами и аланорсами», рассматривая их «как две племенные группировки одного и того же народа».

Обратимся к конкретным свидетельствам об аорсах и яньцай.

Наиболее ранние свидетельства содержатся в китайских анналах дома Хань. «Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100.000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это и есть северное море» (Бичурин 1950, с. 150, 186). Интересно утверждение китайского источника о том, что Яньцай «в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем». О последнем сказано: «Это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90000 войска. Кангюй смежен с Даванью, и по малосилию своему признает над собою на юге власть юечжысцев, на востоке власть хуннов» (там же, с. 150). В свою очередь, Большие Юечжи — также «кочевое владение. Следуя за скотом, перекочевывают с места на место» (там же, с. 151). Судя по этим свидетельствам, Яньцай и Кангюй — кочевые образования.

Уже в первые годы после открытия Западного края Китай придавал Яньцай значение на уровне Парфии, Дацинь (восточные колонии Рима) и Индии, что подтверждает описание мероприятий, предпринятых сразу после победы над сюнну в 121 г. до н.э.: «чтобы иметь сообщение с государствами на Северо-западе... снова направили посольства в Аньси (Парфия), Яньцай, Лигань (Дацинь) и Шэньду (Индия)». В тот период ханьский двор отработывал стационарные маршруты Великого пути на запад. Находившийся в аралокаспийском бассейне Яньцай занимал ключевое место на северной дороге: «Северная дорога при переходе через Цунлин (Памир) па запад как раз выходит в Даюнь (Фергана), Канцзюй (Кангха) и Яньцай». Через несколько столетий ситуация изменилась. Автор «Истории поздней Хань. 25–220 гг.», отмечал: «Государство Яньцай стало называться Алань-Ляо; (правитель) живет за земляными (крепостными) стенами (кит. цзюй ди чэн) и зависит от Канцзюй. Климат и почва теплые, много сосны и ковыля. Обычаи и одежды населения одинаковы с канцзюйскими». В «Кратком обозрении государства Вэй. 220–265 гг.», сохранившимся лишь в передаче, говорится: «Есть... еще государство Яньцай, иначе называемое Алань. Все

они одних обычаев с Канцзюй. На западе граничит с Дацинь, на юго-востоке с Канцзюй. Там много соболя, который славится; кочуют со скотом в поисках воды и травы; прилегают к большому озеру/ болоту; в прежние времена весьма зависели от Канцзюй, а ныне не зависят» (Зуев 1995, с. 38–40).

Обычно исследователи Яньцай локализируют на берегах Арала. По мнению Ю.Зуева, нет оснований «думать, что в китайских источниках под страной Яньцай разумелись исключительно местности у Аральского моря. В них присутствует представление о всей огромной территории тогдашних кочевий сармато-алан, хотя бесспорно, что именно восточное и северное Приаралье были наиболее известны китайцам» (Зуев 1995, с.41–42). Согласно скрупулезному источниковедческому анализу Л.А.Боровковой (1989, с.65), Яньцай локализуется 'в восточном Приаралье.

В числе античных авторов, знакомых с аорсами, был Страбон: «аорсы и сираки, простирающиеся на юге до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (Страбон 1991, с. 177). В другом месте географ дал более развернутую характеристику. «Далее следуют кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы, панксаны, а также племена сираков и аорсов. Эти сираки и аорсы являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают северные сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20000 всадников (в то время как Фарнак владел Боспором). Спадин же, царь аорсов, даже 200000; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря... вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса...» (там же, с. 193)

Это сообщение Страбона содержит смутный намек на то, что две группы европейских аорсов (аорсы на Дону и «верхние» аорсы у Каспия) мигрировали из какой-то области, причем сделали это не по своей воле: они были «видимо, изгнанниками племен, живущих выше». Может быть, имеются в виду аорсы (яньцай) Приаралья?

Мощным, воинственным племенем рисует аорсов Тацит. Царь аорсов Эвнон, вступив с римлянами «в дружбу, пользовался большим влиянием» (Гаглойти 1966, с.281) и проводил активную внешнюю политику. Аорсы известны Плинию Секунду (Плиний 1991, с. 164) и Птолемею (Птолемей

1990, с. 148). Когда же и в связи с чем аорсы (яньцай) из Приаралья мигрировали на запад? Насколько важными были последствия этих процессов для этносов юга России?

Отвечая на последний вопрос, ограничимся мнением Г.Вернадского: «Изучающий русскую историю должен внимательно отслеживать развитие тенденций в евразийском кочевом мире, поскольку без знания этого развития многие события в истории России никогда не могут быть в достаточной степени поняты и оценены» (Вернадский 1996, с.85).

В специальной литературе уже высказывалось мнение о нескольких волнах сарматских миграций на запад. Опираясь на нетрадиционное прочтение Е.Боннелом сюжета Диодора Сицилийского о борьбе за боспорский престол («Арифарн царь сираков»), В.П. Шилов появление сираков и аорсов в степях Предкавказья относил к концу IV в. до н.э. (Шилов 1983, с.36).

В конце III в. до н.э. начинается очередной, наиболее крупный этап сарматского продвижения на запад (Смирнов 1984, с. 117, ел.). С этой волной связывается продвижение части аорсов, занимавших до этого прикаспийские степи (Maenchen-Helfen 1945, р.78–80; Ждановский 1990, с.42). Вероятно с этой же волной номадов связано появление на Центральном Кавказе подбоев и катакомб. В 1983 г. археологической экспедицией Северо-Осетинского государственного университета в окрестностях с. Комарова Моздокского района Северной Осетии было раскопано 4 кургана. Наибольший интерес представляет богатейшее погребение пожилой представительницы кочевой аристократии, обнаруженное в восьмислойном кургане 1. Женщина погребена во впускной катакомбе. В Комарово известно всего пять катакомб такого типа. Еще две поблизости — у ст. Павлодольской; в погребении 1 кургана 2 покоилась пожилая женщина 60–65 лет, в погребении 10 кургана 2 скорее всего покоился подросток (из-за плохой сохранности костей определение не удалось провести). К этой же группе катакомб следует отнести еще 2 впускные подкурганные катакомбы, раскопанные экспедицией Государственного музея Востока в 1986 г. у ст. Чернойрской в том же Моздокском районе Северной Осетии. Несколько катакомб аналогичного типа III–I вв. до н.э. было исследовано в Ставропольском крае. Таким образом, все известные на сегодняшний день впускные подкурганные катакомбы локализуются в Центральном Предкавказье, преимущественно в Северной Осетии и датируются III–I вв. до н.э.

(Виноградов, Березин 1985, с.49–52; Габуев 1997, с.72). Конструкция катакомб, по классификации Т.А. Габуева, относится к первому, а по классификации К.Ф.Смирнова, ко второму типу, когда «длинные оси входной ямы и камеры находятся на одной прямой» (Габуев 1997, с.73–75).

Некоторые специалисты предполагают связь между появлением этого типа наиболее ранних катакомб на Центральном Кавказе и массовыми миграциями в евразийских степях и появлением во II в. до н.э. на исторической арене передового отряда ранних алан — роксалан (Кузнецов 1997, с. 158–159). Не оспаривая в принципе эту идею, отметим, что появление роксалан в юго-восточной Европе методами археологии прослеживается с большим трудом; при современном состоянии науки выводы специалистов в данной области дальше вероятностных заключений не идут. Дело в том, что шансов на правильное отождествление археологических культур и этносов немного, а по мнению С.А.Арутюнова и А.М.Хазанова, это вообще невозможно. Тем не менее, при всей неоднозначности интерпретации археологических данных в этногенетическом плане без них становится нереальным изучение бесписьменных народов (Яблонский 1996, с.7, 9, 11, 61, 78). Сказанное в полной мере относится и к ранним аланам.

В современной историографии доминирует точка зрения, по которой катакомбы II типа и подбои сначала утвердились в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, а затем стали распространяться на восток, юго-восток и запад. Если эта версия верна, то погребальные конструкции такого типа в Предкавказье могли попасть двумя маршрутами: или с сарматами Поволжья–Приуралья, либо с ираноязычными кочевниками Средней Азии. В обоих случаях мы имеем дело с архаическими (или прото-)аланами (Кибиров 1959; Смирнов 1975; 1984; Вайнбет 1979; 1981; Лоховиц 1979; Лоховиц, Хазанов 1979; Степная.. 1992; Кожомбердиева 1997; Ольховский, Галкин 1997; Балахванцев 1998).

Наиболее крупный этап сарматской миграции, как уже отмечалось, К.Ф.Смирнов датировал концом III–I вв. до н.э. и связывал с активностью роксалан, язигов и аорсов. Их политические союзы настолько окрепли и усилились, что «оказались способными на крупные завоевания и переселения на Северный Кавказ» и в Скифию. По убеждению ученого, археология позволяет проследить движение сарматов и на юг — в район оседлых поселений Бухарского оазиса, «т.е. втягивание сарматов в

движение» юечжей и других среднеазиатских кочевников, в результате которого было сокрушено Греко-бактрийское царство. В движении ираноязычных племен на запад К.Ф.Смирнов особо выделил «как племена-руководители» язигов и роксалан. Характеризуя роксалан, археолог отметил: «Это, конечно, был весьма мощный и особенно заметный античным авторам союз племен, игравший значительную роль» на юге-востоке Европы. Говоря об их происхождении, ученый подчеркнул тесную связь «роксаланов с аланами и тем самым с массагетским массивом восточных племен...» (Смирнов 1984, с.7, 115-121).

Идею К.Ф.Смирнова развил А.С.Скрипкин. Увеличение населения и климатические изменения вытолкнули сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья из своих экологических ниш. С этим связан их приход в Среднюю Азию. Здесь они вместе с другими ираноязычными племенами отняли у греков Бактриану. Античные авторы среди племен, участвовавших в этом событии, называют асиев, пасиан, тохаров и сакаравлов (Skripkin 1994, p. 279-285).

Активизация ираноязычных кочевников нашла отражение не только в гибели Греко-Бактрии, но и в завоевании сарматами Скифии и проникновении на Северный Кавказ. Существует мнение, что во всех этих событиях участвовали одни и те же племена (Ставицкий 1977, с. 108, 109). А.С.Скрипкин полагает, что формирование аорсов и алан проходило в южноуральских и приаральских степях. «Предки будущих аланов, которые впоследствии придут в Европу, приняли участие в завоевании Греко-Бактрии, и окончательное их становление завершается в сако-массагетской среде». Основную роль в сарматизации Предкавказья и Северного Кавказа в последние века до н.э. и первые века н.э. А.С.Скрипкин отводит аорсам и сиракам, но и не исключает «появления здесь в результате военных походов аланов или установления ими протектората над этими районами» (Скрипкин 1990, с.193, 198-199, 211-212, 219-220).

В свете изложенного возникает соблазн связать с роксалами (асами или тохарами) появление в Моздокском районе Северной Осетии впускных катакомб III-I вв. до н.э. Однако решающих аргументов в пользу этого предположения пока не видно. Сама идея о возможном появлении роксалан в степях юга России и именно в степном Предкавказье в составе миграционного потока II в. до н.э. представляется перспективной. Что касается этнической принадлежности всех ранних впускных катакомб

Северной Осетии, то вопрос этот, на наш взгляд, остается открытым. Катакомбы известны многим ираноязычным племенам разных эпох на огромном пространстве от Средней Азии до Восточной Европы. Поэтому открытые в последнее время в Моздокском районе впускные подкурганные катакомбы могли и не принадлежать ранним аланам в узкоэтническом смысле. Если говорить конкретно о роксаланах, то с ними сложно связать какие-либо конкретные археологические памятники. Предпринятая К.Ф.Смирновым попытка отнести к роксаланам диагональные погребения оказалась неудачной и сам автор идеи отказался от нее (Смирнов 1981, с.22-23; 1984, с.121-122). Диагональные погребения появились не позже V в. до н.э. на Илеке и в низовьях Амударьи. Отдельные примеры почти диагонального положения в могилах известны для скифского времени на всей территории Евразии от Алтая до Причерноморья. Новые данные о распространении диагональных погребений задолго до появления на исторической арене роксалан заставили ученого пересмотреть свою точку зрения (Смирнов 1975, с. 160-161).

По времени захоронения и положению вблизи Меотиды роксаланскими, возможно, являются некоторые погребения у с. Васильевка, в могильнике Аккерман-I на р.Молочной, у х. Шевченко и др., но четких признаков, позволяющих определить племенную принадлежность умерших, выделить пока не удается (Щукин 1994, с. 146). Как будто бы можно связать с роксаланами богатые клады междуречья Дона и Днепра. Однако они известны и на территории расселения сираков в Прикубанье (с. Ново-Сергиевская, Ново-Джерилиевская, г.Кореневск), и в междуречье Дона и Волги (с.Жутово), где жила основная масса аорсов. Все «клады» принадлежали богатым конным воинам (Смирнов 1984, с. 121).

Последнюю по времени попытку связать с роксаланами определенный тип археологических памятников предприняла В. И.Мордвинова. Согласно ее анализу, именно с роксаланами можно связать упряжи типа II по ее классификации, бытовавшие в памятниках II-I вв. до н.э. между Доном и Днепром (Мордвинцева 1998, с.59-60).

Недавно гипотезу К.Ф.Смирнова попытались модернизировать. Диагональные погребения на Северном Кавказе, Дону и Причерноморье А.В.Симоненко (1989, с. 119) связывает с «восточным импульсом». Однако однозначно доказать среднеазиатские корни диагональных погребений

не удастся. Диагональные погребения встречаются в раннесарматских памятниках IV–III вв. до н.э. (погребения Лебедевки, Пятимары, Кардаилово и др.). Интересно, что женское диагональное погребение в Пятимарах имела бронзовые наконечники стрел (Статистическая... 1997, с. 100. 103–104).

Диагональные погребения отмечены и в скифских памятниках. Поэтому считать диагональные погребения характерной чертой лишь алан вряд ли правомерно. «Диагональные погребения, как и целый ряд других явлений в обряде и материальной культуре сарматов начала нашей эры, — пишет по этому поводу А.С.Скрипкин (1996, с. 166), — представляют собой возрождение старых скифских традиций — феномен, который предстоит еще всесторонне исследовать, но о котором можно сказать, что проявил он себя в новой этнополитической ситуации». Вместе с тем А.С.Скрипкин не сомневается в том, что «диагональные погребения должны быть» аланскими. В период I–II вв. н.э. данный тип погребений стал преобладающим и «может быть признан как собственно аланский, в то время как погребальный обряд племенного объединения во главе с аланами был гораздо пестрее». Конечно, уточняет исследователь, ранние аланы отождествляются не только с диагональными погребениями. «Скорее всего, диагональные погребения характеризуют какую-то часть раннеаланского общества, отличавшегося в социальном или каком-то ином плане» (Скрипкин 1990, с.218). В связи с этим отметим обнаруженные на Днепре аланские диагональные погребения эпохи Великого переселения народов, принадлежавшие, по мнению археологов, выходцам с Северного Кавказа (Казанский, Мастыкова 1999).

Следует отметить принципиальную позицию Ю.А. Заднепровского, последовательно отстаивающего точку зрения о принадлежности погребений в подбоях могильников Южного Таджикистана, на землях Северной Бактрии, юечжам. Им же отмечено сходство этих памятников с памятниками в подбоях Семиречья, Ферганы и Бухарского оазиса. Особое значение придается открытию могильника (Хамадун) с подбоями в провинции Ганьсу Северного Китая — «территории предполагаемой прародины юечжей». Данный могильник китайские археологи определяют как памятник юечжей. Сопоставляя данные письменных источников о миграции юечжей в 165–140 гг. до н.э. от Ганьсу до Северной Бактрии, с данными археологии, ученый подчеркивает: «На

всех основных участках миграции юечжей: на их прародине в Ганьсу, в Таримской впадине, в Семиречье и Фергане, в долине Зеравшана и в Северной Бактрии встречены погребения в подбоях. Распространение их, очевидно, отражает процесс расселения и передвижения юечжийских племен в Центральной Азии» (Заднепровский 1998, с.33–34).

С такой аргументацией не стыкуется тот факт, что одним из распространенных типов раннесарматских могильных ям погребений III–I вв. до н.э. являлись подбои (Статистическая 1997, с. 182). Подбои встречены и в позднесарматских памятниках Заволжья II–IV вв. (раскопки Б.Н. Гракова 1925 г. у сел Блюменфельд и Кано). Из 6 подбойных могил в 5 были погребены женщины. Интересно также, что из 17 погребенных у 10 черепа были деформированы (8 у женщин и 2 у мужчин). В сопровождающем инвентаре наиболее престижные вещи (фибулы, зеркала) встречены только в женских могилах. Обращает на себя внимание отсутствие гончарной керамики, хотя они имеются поблизости в погребениях Альт–Веймара, Бережновки, Политотдельского и даже в одном из курганов Блюменфельда раскопок П. Рау. Примечательно, что в двух случаях это были среднеазиатские красноглиняные кувшины. «Наличие в перечисленных могилах гончарной керамики, импорт которой в Заволжье в позднесарматское время, бесспорно, очень сократился, отражает или маркирует, по-видимому, сравнительно высокий социальный статус погребенных» (Гущина, Мошкова 1999, с. 42–49, 53).

Протоаланы. Этногенез ранних алан. (II)

Январь 22, 2010

Резюмируя все изложенное, отметим, что имеющегося материала недостаточно для сопоставления катакомб Моздока с аналогичными памятниками Приуралья или Средней Азии. Сам тип погребения мог быть заимствован из этих регионов. Но в погребениях во впускных катакомбах Моздока имелись свои специфические черты. Так, если в катакомбно-подбойных погребениях Приуралья и Средней Азии преобладала южная ориентировка, то в Предкавказье — западная. По мнению М.П.Абрамовой, меридиональная ориентировка не характерна для кочевников Предкавказья скифского времени, и ее появление связано с традициями сарматов, а западная — связана с влиянием местных традиций скифского времени (Абрамова 1993, с.36). Правда, в последнем случае возможна и иная интерпретация, если вспомнить, что знаменитый «золотой человек»

из кургана Иссык также погребен головой на запад (Акишев К.А., Акишев А. К. 1981, с. 150), как и 20-летняя женщина в погребении 5 некрополя Тилля-тепе, тело которой покоилось в деревянной колоде, обернутой (как и в Комарово) в погребальное покрывало с нашитыми бляшками (Сарианиди 1989, с. 110). Могильники номадов Бактрии и Согда (предполагается, что погребенные в них люди относились к участникам разгрома Греко-Бактрии во II в. до н.э.) также дают примеры западной ориентировки в подбоях (Горбунова 1994, с.59-60). Интересно, что в сарматском подкурганном могильнике III в. до н.э. — второй половины I в. н.э. у с. Заманкул Северной Осетии более ранние погребения имеют западную ориентировку, и южную — в более поздних (Березин, Ростунов 1994, с.40).

Здесь же напомним дискуссионную статью Б.А.Раева и С.А.Яценко (1993, с. 111-125), в которой рассматриваются памятники Прикубанья середины I в. до н.э. — середины I в. н.э. — погребения т.н. «зубовско-воздвиженской группы» (ЗВГ), выделенной еще М.И.Ростовцевым. Авторы статьи акцентируют внимание на наличии «многочисленных инноваций в материальной культуре и погребальном обряде ЗВГ»; впервые встречены здесь многие специфические черты среднесарматской культуры, «включающие многочисленные элементы центрально-азиатского и Парфяно-малоазийского происхождения». Перечислив эти инновации (там же, с. 112-117), археологи связали их с приходом с востока кочевников, ядро которых составили аланы. Обращаясь к античным авторам первых веков н.э., они находят подтверждение аланскому присутствию в Предкавказье. Особое место отводится Валерию Флакку, упомянувшему аланского вождя Анавсия («Ненасытного»): «Анавсий, уже раньше ставший врагом за то, что Медея была обещана в жены албанскому тирану, выслал пылких аланов, за которыми вскоре последовал и сам...» (Валерий Флакк 1991, с.246). Исходя из полиэтничности аланского массива (роксаланы, аланорсы, аланы-массагеты, аланы-скифы), Б.А.Раев и С.А.Яценко полагают, что будет «правомерным распространение этнонима аланы вслед за рядом античных авторов на центральное ядро ЗВГ» (Раев, Яценко 1993, с. 121). Хотя данный вывод уязвим для критики, на наш взгляд, он может быть принят в качестве рабочей гипотезы.

Таким образом, основная волна миграций ираноязычных племен с востока на запад приходится на II–I вв. до н.э. Причины движения номадов на запад были различными: социально–политическими, географическими, а то и их комбинацией (Грач 1984). М.Г.Мошкова, касаясь причин «восточных импульсов» (массовых миграций на запад), связывала их как с политическими событиями второй половины II в. до н.э. (передвижением азиатских племен и разгромом Греко–Бактрийского царства), так «и особенно с экологической ситуацией» — «наступлением очень засушливого периода» (Мошкова 1983, с. 19).

Природно–климатические изменения могли подстегнуть степняков к перемене мест. Кочевнику необходимо гораздо больше земли, чем земледельцу, поэтому межплеменные столкновения в эпоху усилившейся аридизации вызвали истребительные войны за пастбища и передвижение племен. Борьба между хуннами и юечжами за господство в степи вызвало миграцию III в. до н.э. Дополнительным стимулом послужило то, что в III в. до н.э. резко понизился уровень Каспийского моря — «ниже абс. отм. минус 32 м», но повысился уровень Арала и Балхаша (Гумилев 1993, с.278–284).

Причиной переселения азиатских этносов на запад опосредованно стала постройка Великой китайской стены; она протянулась на 4 тыс. км, высота достигала 10 м, через каждые 60–100 м высились сторожевые башни. Правда, после окончания строительства выяснилось, что всех вооруженных сил Китая не хватит для организации эффективной обороны на стене. Тем не менее, ее возведение нельзя считать бессмысленным. Даже через не охраняемую стену не перетащить лошадей, а без них передвижение в азиатских просторах невозможно. Это обстоятельство препятствовало набегам кочевников (в первую очередь хуннов), стесняя их в выборе путей для нападения на оседлые области Китая. В результате хунны сменили направление агрессии, что, в свою очередь, вызвало движение других племен на запад (Гумилев 1993а, с.43–45).

А.С.Скрипкин «одной из основных» причин появления в Сарматии новых народов также считает «активность хуннов», которые на рубеже III–II вв. до н.э. нанесли «ряд ударов по отдельным подразделениям восточно–скифского мира. Начавшиеся передвижения наиболее восточных скифских группировок, граничивших с хуннами, сдвинули с места другие народы Азиатской, а затем и Европейской Сарматии»

(Скрипкин 1994, с.29–30; см. также: Скрипкин 1994а, с. 15–17; Skripkin 1994, p. 280–281).

Восточный импульс довольно четко прослеживается по инвентарю погребений на обширной территории к западу от Волги. В частности, во II–I вв. до н.э. в сарматских памятниках появляются мечи с кольцевым навершием, задолго до этого бытовавшие в сако–массагетской среде. В целом ряде находок в Поволжье и на Дону мечи с кольцевым навершием снабжены ножнами с лопастями в нижней и верхней частях. Такой тип ножен был широко распространен в последние века до н.э. на Алтае (Скрипкин 1992, с.23).

Наряду с погребальной обрядностью, предметами культа и т.д. важными этнокультурными индикаторами являются произведения искусства (Ольховский 1996, с.127). Еще М.И.Ростовцев обратил внимание на то, что в памятниках юга России с III в. до н.э. начинает прослеживаться «влияние какого–то нового искусства, чуждого более ранним скифским погребениям». По мнению ученого, это позднеиранское искусство сложилось на границе между сакским Туркменистаном, Персией и Индией. «Новая более сильная волна тех же влияний нахлынула на юг России столетием позже, во II в. до Р.Хр.». Этот этап миграций М.И.Ростовцев связывал с гибелью Бактрии, возвышением Парфии, образованием в Индии индо–скифских царств. В свою очередь, все эти явления ставились в зависимость от движения юечжей под напором гуннов от границ Китая на запад и юго–запад. [В другом месте о данном этапе миграций сказано: «великое передвижение народов во второй половине II в. до Р.Хр., которое так кардинально повлияло на жизнь Востока, вытеснило на запад группу кочевых племен» – роксаланов, аорсов и сираков] . Одна волна сарматских кочевников за другой «докатилась и до степей юга России и разлилась здесь до южного Кавказа и Днепра». Позднее еще одна волна кочевников под напором юечжей и гуннов достигла южных районов России (Ростовцев 1993, с.45–46, 92).

Идея М.И.Ростовцева о путях распространения нового искусства нашла подтверждение в последних исследованиях. Находки в курганах юго–восточной Европы обнаруживают сходство с инвентарем «царских» погребений Тилля–тепе (Сарианиди 1984; Скрипкин 1990). После второй волны движения кочевников в Причерноморье, на Дону и Северном Кавказе появились серебряные позолоченные бляхи–фалары, несущие элементы искусства Бактрии, Индо–Скифии и «княжеств», созданных

кочевниками на месте Греко-Бактрийского царства (Щукин 1994, с. 145–146). Самые ранние фалары (Александрополь, Федулово) относятся еще к началу III в. до н.э., но подавляющее большинство датируется в пределах II–I вв. до н.э., и, следовательно, их появление связано с приходом новых ираноязычных племен с востока (Щукин 1994а, с. 14–15). Детальный анализ фаларов, предпринятый В.И.Мордвинцевой, показал, что первыми среди украшений конского снаряжения сарматов появляются очень крупные наплечные фалары. Самые ранние их находки приходятся на территории Приуралья (Прохоровка), Нижнего Дона (Федулово) и Прикубанья (Успенская, Ахтанизовская). Первый комплекс датируется III в. до н.э., остальные — концом III — первой половиной II в. до н.э. В течение всего II в. до н.э. наплечные фалары этого типа бытовали, преимущественно, к востоку от Волги (Новоузенск, Сидоровка, Володарка, Ишимская находка), причем все они представлены греко-бактрийскими образцами. В конце II в. до н.э. импортные (среднеазиатские) фалары меньших размеров появляются на Кубани (Мордвинцева 1998, с.54).

О восточном импульсе в Причерноморье и на Кавказе свидетельствует и появление антропонимов с «фарном» — именем божества, почитаемого ираноязычными племенами Средней Азии. Интересен найденный на Кубани золотой амулет II–I вв. до н.э. с надписью «Богу Уатафарну». Согласно анализу В.Миллера, поддержанного Б.А.Литвинским, Уатафарн являлся «божеством мира жилища, покровителем домашнего счастья, и посвященный ему амулет обеспечивал носителю счастье в домашней жизни» (Литвинский 1968, с.67–68, 70).

Я.Харматта уточнил датировку второго этапа миграции сарматов — между 130 и 125 гг. до н.э. «Примерно в это время в Восточной Европе появились аорсы и сираки. Поскольку движение сарматских племен на огромной территории от Арала до Дуная совпадает по времени с приходом юечжи-тохаров в Бактрию, то взаимосвязь этих двух событий не вызывает никакого сомнения... одна часть яньцай (аорсов), очевидно, очень сильно потесненная натиском тохарских племен, вместе с другими иранскими племенами устремилась на запад к Дону» (Harmatta 1970, p.34).

М.Б.Щукин миграцию номадов на запад также связывает с изменениями политической ситуации в Азии. Далеко на востоке хунны «где-то между 174 и 165 гг. до н.э.» разгромили юеджей, их правитель погиб, а из его черепа правитель хуннов сделал кубок. Остатки юеджей

горными тропами через Тянь-Шань ушли на юг в пределы Греко-Бактрии. Если китайские хроники кочевников, двинувшихся на юг, называют юедами, то античные авторы говорят о саках и массагетах. По Страбону (XI, 8, 2), «у эллинов отняли Бактриану асии, пасианы, тохары, сакаравлы...». По меньшей мере частично этнонимы китайских и античных авторов перекрывают друг друга. В движение были вовлечены различные группировки кочевников евразийской степи и Средней Азии. Греко-Бактрия стала легкой добычей кочевников и к 135 г. распалась на 5 княжеств под управлением потомков завоевателей. Таким образом, порожденная действиями хуннов, волна движения кочевников, отголоском которой были события в Бактрии и Парфии, покатила дальше на запад и затухла в степях Северного Кавказа и Причерноморья. В конце II в. до н.э. здесь появились новые группы кочевников – роксалан, «мощноконных» аспургиан и неких сатархов, под которыми обычно понимают тохаров (Щукин 1994, с. 137, 139–140).

Волна с востока коснулась и Приуралья. В Прохоровском кургане №1 III–II вв. до н.э. обнаружена серия предметов явно не местного происхождения. В первую очередь речь идет о железном литом панцире; его находка — единственная в сарматских древностях той поры. Особняком среди сарматских золотых украшений стоит прохоровская гривна с зооморфными окончаниями. Не имеют полной аналогии в сарматских древностях и особенности декора золотых обкладок ножен меча. Этот же курган — наиболее ранний сарматский комплекс с украшениями конской упряжи нового типа — наплечными бляхами — распределителями ремней (Мордвинцева 1996, 155–159). Находка в прохоровском погребении ахеменидских фиал, переделанных в фалары, может свидетельствовать о заимствовании сарматами данного типа украшений во время их участия в военных действиях на Ближнем Востоке (Мордвинцева 1998, с.59) В целом, в настоящее время среди историков доминирует точка зрения, согласно которой миграция юечжей вызвала «цепную реакцию» (Гафуров 1972, с. 133; Ставиский 1977, с. 108–109; Кереев 1988, с. 123) в результате которой азиатские кочевники пришли в движение и стали продвигаться в западном направлении. С этим процессом Д.А.Мачинский связывал появление на исторической арене роксалан, явившихся «передовой группой аланского этнического массива, восточное, о точнее массагетское, происхождение которого несомненно»; их появление на юге России связывается с событиями в

закаспийских степях в первой половине — середине II в. до н.э. (Мачинский 1971; 1974).

Д.А.Мачинского поддержал К.Ф.Смирнов, признав «тесную связь родоначальников роксалан с аланами и тем самым с массагетским массивом восточных племен» (Смирнов 1984, с. 121).

А.С.Скрипкин считает, что сведения Страбона, «в основном, относятся к II–I вв. до н.э.» и полководцу Митридата Диофанту действительно пришлось «воевать с роксаланами, возглавляемыми Тасием» (Скрипкин 1994, с.29).

Позиция Д.А.Мачинского, К.Ф.Смирнова и А.С.Скрипкина о появлении роксалан в юго-восточной Европе еще во II в. до н.э. серьезно корректирует наши представления о начале генезиса собственно ранних алан. Как правило, отправной точкой этого процесса считается относящееся примерно к 25 г н.э. сообщение китайских источников: «Владение Яньцай переименовалось Аланья; состоит в зависимости от Кангюя... Обыкновения и одеяние народа сходны с канпойскими» (Бичурин 1950, с.229). К более позднему времени относится еще одно интересное свидетельство китайских анналов. «Правление в городе Аланьми. Эта страна прежде принадлежала кангюйскому удельному владельцу. Больших городов считается сорок, малых окопов до тысячи. Мужественные и крепкие берутся в чжегэ, что в переводе на язык Срединного государства значит: строевой ратник» (там же, с.311).

Указание китайских источников на изменение аорсами (яньцай) Приаралья в результате каких-то событий в начале н.э. своего названия на аланы надо понимать так, что прежде аорсы (яньцай) –это не аланы; хотя после этих событий часть аорсов приняла участие в этногенезе ранних алан. Сказанное вынуждает нас внимательнее отнестись к проблеме «Протоаланы и Средняя Азия».

Особую актуальность приобретает уточнение датировки первого появления роксалан в юго-восточной Европе. Д.А.Мачинский, К.Ф.Смирнов и А.С.Скрипкин такой датой считали конец II в. до н.э. Они исходили из свидетельства Страбона (VII, 3, 15); учитывая значимость данного сюжета, приведем его полностью. «Роксаланы воевали и с полководцами Митридата Эвпатора под предводительством Тасия; пришли они на помощь Полаку, сыну Скилура, и считались народом воинственным; однако... роксаланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под начальством митридатова

полководца Диофанта, и большинство их погибло. Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч. Подобным образом вооружено большинство других варваров . Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом — на равнинах» (Страбон 1993, с.260).

Подтверждение этому сообщению Страбона некоторые исследователи видят в Херсонесском декрете конца II в. до н.э. в честь Диофанта, где роксаланы названы «ревксиналами» (Смирнов 1981, с.21).

В реконструкции М.Б.Щукина появление роксалан на исторической арене выглядит следующим образом. К Митридату, правителю Понта, в конце II в. до н.э. прибыли послы Херсонеса Таврического; они молили о помощи против осаждающих их город скифов царя Скилура и его сына Палака. Отборные войска армии Понта во главе с Диофантом в 110 г. до н.э. покинули кавказский фронт и отправились в Крым. Разгромив скифов, полководец вернулся в Понт. Однако весной следующего года Палак возвратил себе свои владения и осадил Херсонес. Вскоре на помощь городу вновь выступил Диофант. Тогда-то и пришла на помощь скифам конница «ревксиналов» царя Тасия, зимовавших в болотах Меотиды. Но Диофант «сделал разумную диспозицию, и впоследствии для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена». Ученые предполагают, что битва произошла у стен крепости у мыса, вдающегося в Ягорлыцкую бухту. Диофанту удалось заманить туда роксалан и запереть там своей закованной в латы фалангой. Стиснутые в ограниченном пространстве кочевники в панике скорее передавили друг друга, чем пострадали от понтийцев (Щукин 1994, с. 141–142). Так на исторической арене появилась новая сила — роксаланы.

Построение Д.А. Мачинского–К.Ф.Смирнова–А.С.Скрипкина¹⁰ весьма привлекательно и вызывает соблазн разделить их мнение. Однако, учитывая первостепенное значение цитированных сведений Страбона для решения проблемы этногенеза ранних алан, отметим и бытующие у части исследователей определенные сомнения в их корректности. Высказав сомнения в «безоговорочной достоверности» и «безупречности» данного фрагмента Страбона, Л.С.Ильюков и М.В.Власкин вместе с тем справедливо отмечают, что в любом случае «уже в начале нашей эры

(Страбон умер в 23/24 гг.) в поле зрения античных писателей появилось новое этническое имя — роксаланы» (Ильюков, Власкин 1992, с.21–23). А это раньше, чем упоминание китайских источников о переименовании яньцай (аорсов) в Аланья.

Несмотря на некоторый скепсис в отношении источниковедческой значимости сообщения Страбона о роксалах у названных авторов, мы присоединяемся к мнению Д.А.Мачинского о появлении роксалан в юго-восточной Европе в конце II в. до н.э. Судя по смене этнической номенклатуры в этом регионе, роксаланы были лишь частью новой волны с востока; примерно в это же время здесь появляются язиги, сатархи, тагоры и др. Восточный импульс фиксируется не только по письменным, но и по археологическим памятникам. Возможно, эта волна кочевников как-то связана с политическими потрясениями Средней Азии второй половины II в. до н.э., гибелью Греко-Бактрийского царства под ударами кочевников, среди которых древние авторы выделяли асиев, (п)асиан, тохаров и сакаравлов (сакарауков).

Иными словами, должны быть еще ираноязычные племена восточного происхождения, имевшие непосредственное отношение к формированию ранних алан. Об этом же говорят данные языкознания. Ю.С.Гаглойти, ссылаясь на изыскания лингвиста Г.Бейли и вслед за ним, предполагает «определенный период соприкосновения между предками осетин с хорезмийцами, согдийцами и предками носителей современного пушту» (Гаглойти 1962, с. 175).

Насколько можно судить по китайским источникам, к переименованию страны Яньцай в Аланья причастен Кангюй. Первым информатором, познакомившим китайцев с западными областями Азии, был дипломат, путешественник Чжан Цянь. Его имя, пишет Л.Н.Гумилев, «должно стоять в одном ряду с именами Геродота и Страбона» (Гумилев 1993а, с.90).

До возвышения династии Хань китайцам была известна весьма ограниченная территория; свою страну они считали центром мира. Толчок к открытию новых земель дала внешняя политика: в поисках союзников в борьбе с хунну вспомнили о юечжах (тохарах), и к ним был послан опытный чиновник Чжан Цянь. Десять лет провел он в плену у хуннов, но смог бежать и добрался до западной Азии. На обратном пути он вновь попал в плен, вновь смог бежать и в 120 г. до н.э. вернулся на родину. Его рассказы о горных скотоводах-усунях, о владении

кочевников Кангюй, расположенном в Голодной степи, о Яньцай, Аньси, Шенду или Инду (Индия) — вызвали в Китае огромный интерес к западным странам, сравнимый лишь с тем, который возник в Европе после путешествия Колумба. Китайский император организовал целый ряд посольств в эти страны. Крупные посольства состояли из нескольких сот, а малые не меньше, чем из 100 человек. Ежегодно отправлялось от 5 до 10 посольств, которые возвращались по прошествии нескольких лет. Дипломатические путешествия позволили китайским ученым составить исторические карты Западного края и довольно точно описать жившие там народы (там же, с.90–92).

В анналах дома Хань Кангюй предстает как «кочевое владение», которое «в обыкновениях совершенно сходствует» с Яньцай и Большими Юечжами. Войска имело до 90000. Во II в. до н.э. «по малосилию своему» Кангюй признавал «над собою на юге власть юечжийцев, на востоке — власть хуннов». Однако через два века Кангюй усилился настолько, что подчинил сильное объединение Яньцай, после чего последнее «переименовалось Аланья» (Бичурин 1950, с. 150–151, 229; см. также: Заднепровский 1994, с.99). Несмотря на резкое ухудшение природно-климатических условий с I-го в. до н.э. (в хрониках постоянно отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных) Кангюй предстает богатым скотоводческим государством, способным выставить до 200000 всадников (Гумилев 1993, с.289–290).

Располагая Кангюй между Амударьей (Оксом) и Сырдарьей (Яксартом), исследователи расходятся в точной локализации данного этнополитического образования. Согласно С.П.Толстову, Авеста и позднейшая зороастрийская литература Кангюй знают под именем «Кангюй, высокий и священный»; под этими названиями «скрывается Хорезм». В то же время ученый допускал возможность, что «Кангха – несколько более широкое понятие, чем Хорезм» (Толстое 1948а, с. 145). Современные исследователи не подтвердили концепцию С.П.Толстова о Хорезме как о центре Кангюйского объединения, территорию которого ряд археологов теперь располагает на средней Амударье (Древнейшие...1985, с.206). Б.Г.Гафуров (1972, с 137), напротив, «ядро Кангюя» локализует на средней Сырдарье. «Летовки кангюйцев располагались, скорее всего, вдоль Сырдарьи, а резиденция правителей Кангюя помещалась в районе Ташкента». Носителей этноса он считал «ираноязычным народом, потомками и наследниками сырдарьинских

саков». По Л.Н.Гумилеву (1993а, с. 137), «Кангюй находился в холмистой степи Восточного Казахстана, между озером Балхаш и Иртышем»,

Китайские источники Кангюй и их соседей представляют как кочевников, но в то же время «народ живет внутри глиняных стен». Археологи, действительно, обнаружили немало поселений.

Среди верований (по археологическим материалам) особенно четко выявляется божество Фарн — патрон верховного правителя, а вместе с тем дома, семьи, здоровья. В иранской мифологии данный образ символизировал державную силу, божественную сущность, приносящую богатство, власть, могущество (Мифы 1992, с.557). Культ бога Фарна персонифицировался в образе барана, изображения которого на разнообразных предметах кангюйской (и более ранней скифо-сакской) поры специалистами связываются с представлениями о Фарне (Литвинский 1968; Кузьмина 1987, с.59). Почитая Фарн, кангюйцы ручки сосудов делали зооморфными — в виде баранов (Литвинский 1968). Аналогичную функцию этот образ играл и у других племен скифо-сарматского мира. В скифских памятниках Закавказья VII-VI вв. до н.э. нередко изображения головки барана (Есаян, Погребова 1985, с. 109). Вообще у скифов очень популярными были изображения «головы барана на изделиях на кости, рога и бронзы» (Хазанов 1975а, с.55). Голова барана изображена на золотых ножнах меча скифского вождя VI в. до н.э. из Червонной могилы (Брошинский 1979, с. 16); на знаменитой пекторали из Толстой могилы баран фигурирует на верхнем ярусе, символизировавшем небесную сферу мироздания; на золотой бляхе из Александровского кургана рядом с женской фигурой (по Б.Н.Гракову — богиня плодородия Али) помещены два барана (Траков 1971, с.83табл. XI, 1).

В богато украшенных ножнах мечей из Келермеса и Мельгуновского кургана божество Фарн, как персонификация славы, победы, воплощалось в образе барана, хищной птицы, рыбы, коня, верблюда и, наконец, воина. Очевидно, мастер, создавший келермесские ножны, попытался «изобразить этот главнейший персонаж иранской религии, наделив его чертами, характерными для большей части перевоплощений Фарна» (Кузьмина 1976, с.59). На пекторали из богатого погребения сарматского (аланского) скептуха I в. н.э. из Косики изображено несколько баранов и их голов. Здесь же найден золотой браслет, на втором ярусе которого изображены тушки баранов на растянутой шкуре. Интересно, что таких

изображений — семь. По предположению археологов, представленные на браслете жертвенные животные — бараны — служат символом Фарна «небесной благодати» у древних иранцев; весь же сюжет носит символическое или магическое значение» (Дворниченко, Федоров 1993, с. 168–170, 172).

Как на интересный факт, укажем на неожиданную находку захоронений баранов в Дашлы I на севере Афганистана; они были аккуратно уложены в могилу на боку, головой на север, как и в могилах людей, в окружении точно таких же погребальных сосудов, что и в обычных людских могилах. То что в данном случае животные — это не заупокойная пища, видно по уникальному моменту: перед мордой одного из баранов внутри вазы на высокой ножке находились бараньи ребра! Т.е. захороненному барану, помимо сосудов положили и «пищу» для заупокойной жизни (Сарианиди 1984, с. 135).

В сарматских погребениях первых вв. н.э. на территории Подонья, Прикубанья, Причерноморья и Венгрии встречаются красно- и буролоковые фигурные сосуды в виде фигурки барана (Симоненко 1998, с.68).

Изображения баранов (и барано-грифонов) специалисты связывают со скифо-сарматскими представлениями о Фарне (Хазанов, Шкурко 1976, с.46; Кузьмина 1987, с.59).

Античные авторы не оставили данных о культе Фарна у скифов, сарматов или алан. Однако Л.Згуста (Zgusta 1955, 5.141, 184, 197, 236–239) привел целый ряд теофорных имен с «фарн»; обычно его переводят как «(небесная) благодать». Но, как отмечает В.И.Абаев, «речь идет о чем-то неизмеримо большем, чем бытовое значение этих слов» (Абаев 1992, с.ПО). Точное значение термина «фарн» определить трудно; будучи дериватом «неба-солнца», оно означало все то благое, источником чего древние мыслили «небо-солнце» (Абаев 1958, с.421). Большая популярность имен с «фарн» у скифов и сарматов юга России свидетельствует о широком распространении у них этого культа (Кузьмина 1976, с. 60). Его отголоски находим в культуре современных осетин (Чибиров 1976; Кочиев 1988) и таджиков (Гафуров 1972, с. 138).

Кангюйский след в археологических памятниках Причерноморья начала н.э. проследил А.С.Скрипкин. Он обратил внимание на распространение в юго-восточной Европе тамг, аналогии которых в Средней Азии и Хорезме известны еще до н.э. Территориальную лакуну

между Хорезмом и Северным Причерноморьем заполнили находки тамг в Нижнем Поволжье. С.П.Толстов сходство хорезмийских и причерноморских (особенно боспорских) тамг объяснял политической зависимостью Боспора от кангюйских сиявушидов. А.С.Скрипкин более осторожен и говорит об «аланской гипотезе начала распространения определенной группы тамг в Северном Причерноморье» (Скрипкин 1990, с.208).

Сравнительный анализ катакомбных погребений Центрального Предкавказья и Средней Азии показывает, что наиболее близкие аналогии северокавказским подкурганам катакомбам III–IV вв. мы находим среди катакомбных погребений Средней Азии, в памятниках Средней Сырдарьи последних вв. до н.э. — середины I тыс. н.э. Присырдарьинские катакомбные погребения, аналогичные северокавказским подкурганам, являются преобладающими. Л.М.Левина обратила внимание на совпадение керамического комплекса и элементов погребального обряда Средней и Нижней Сырдарьи с аланской культурой Северного Кавказа (Степная...1992, с.28–30, 104–107; Габуев1997, с.79).

Известную параллель можно провести между катафрактариями европейских и азиатских алан. Тацит оставил описание дружины тяжеловооруженных всадников роксалан, вторгшихся в Мезию: «Вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти панцири,, которые у них носят все вожди и знать...действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не сможет» (Тацит 1968, т.2, с.42).

Описанный Тацитом защитный доспех и вооружение катафрактариев роксалан напоминает снаряжение тяжеловооруженных ираноязычных всадников Средней Азии. Их изображения сохранились, например, на рельефах зала сакской усадьбы в Халчаяне (рубеж н.э.; на правом берегу Окса, в долине Сурхандаи. Персонажи «чисто европеоидного облика...с густой бородой и усами», в тяжелом обмундировании — кирасах из больших четырехугольных пластин, опускающихся до колен (ср. с данными Тацита о «тяжелых панцирях», не дававшим роксаланским дружинникам подняться). Аналогии такому панцирю имеются на

изображениях батальных сцен на пластинах из могильника Орлат в Самаркандской области. Интересна форма панциря из больших четырехугольных пластин с плотно прилегающей верхней частью, сильно приталенной к поясу частью, с неимоверно широким подолом, спускающимся до голени, а также высокий бронированный воротник (Бернар, Абдуллаев 1997, с.69, 75–76). Панцирный ворот плотно прикрывал горло катафрактария на надгробии Афения (I в.) в Керчи. На ряде стел Боспора имеются изображения катафрактариев в длинных (до щиколоток) панцирях из больших четырехугольных пластин с подобным воротом (Десятников 1972, с.74, 75). С защитным доспехом среднеазиатских номадов сопоставимы нераспашные, ниже бедер кольчуги катафрактариев, прорисованных на пантикапейском склепе Анфестерия I в. н.э. и панцирные рубахи катафрактариев на нижнем фризе серебряного сосуда–кубка из погребения I в. у с. Косика.

Сопоставимы и покрытые пластинчатым панцирным доспехом крупные, длинноногие кони катафрактариев Средней Азии и юга России (там же, с.73, 75; Бернар, Абдуллаев 1997, с.74–75, 80–82; Дворниченко, Федоров–Давыдов 1993, с. 150). По предположению Ю.М.Десятникова, эта порода лошадей на Боспоре появляется с I в. Сюда она попала из Средней Азии (Горончаровский 1993, с.80).

Определенные параллели можно провести в вооружении номадов степей Евразии — распространении среди тяжеловооруженных всадников длинных копий, мечей, сложносоставного сильно рифлексирующего лука.

Панцирная конница ираноязычных номадов Окса и Яксарта принимала участие в крушении Бактрии. С.П.Толстов этих катафрактариев связывал с Кангюем; данная идея развивалась им в экскурсии «Конница Кангюя» монографии «Древний Хорезм» (с.211–227). Против этого выступила Г.А.Пугаченкова, отметившая, что при раскопках памятников древнего Хорезма последних веков до н.э. следов тяжелого доспеха обнаружено не было. Вместе с тем, на нижней Сырдарье в слоях Чирикратской культуры найдены прямоугольные, продолговатые железные пластины панциря (Пугаченкова 1966, с.28–30).

Ираноязычных катафрактариев, в последней трети II в. до н.э. осевших на восточных рубежах парфянской державы, осторожнее называть саками. В этой связи П.Бернар вспоминает Сеистан — «страну саков» на границе современных Ирана и Азербайджана. С этими же кочевниками (саками и сакарауками) ученый связывает и погребения знати

в Тилля-тепе (Бернар, Абдуллаев 1997, с.71). Такое решение представляется вероятным, но не бесспорным. Здесь же напомним точку зрения некоторых исследователей об участии сакарауков (сакаравлов) в этногенезе ранних алан. Хотя и здесь имеются сомнения, в целом представляется возможным, что устремившиеся на запад крупные контингенты приаральских алан по ходу движения включали в свой состав отряды всадников (катафрак-тариев?), предки которых сыграли определенную роль в разгроме Бактрии.

У античных авторов прямых указаний на соответствие европейских алан кангюйским нет. Лукан упомянул «область варварской Коны, где разбивается Истр на множество русл и, вливая воды сарматов в Понт, омывает потоками Певку» (Марк Лукан 1993, с.56). В схолиях к Лукану наряду с дунайской Коной отмечается и другая (государство или страна), расположенная далеко на востоке, на границе сарматской земли. Л.А.Мацулевич высказал предположение: не является ли вторая Кона дахо-массагетским Кангюем Средней Азии. Такое предположение, считает А.С.Скрипкин, может быть вполне правдоподобным, учитывая появление алан на Дунае не позже 65 г. (Скрипкин 1992, с.41).

Восточные источники Кангюй на стыке двух эр рисуют крепкой и богатой державой. «Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Люени в городе Битань... Он не зависит от наместника... Народнонаселение состоит из 120000 семейств, 600000 душ; строевого войска 120000 человек... обыкновения одинаковы с Большими Юечжи». В донесениях ко двору китайский наместник Го-шунь сообщал, что прежде хунну «имели под собой Усунь и Кангюй», но затем «лишились помянутых государств». По показаниям наместника, хунну, Кангюй и Усунь «при выгодных случаях взаимно нападают друг на друга. При соединении они не могут искренне доверять друг другу; при разделении не могут покорить друг друга». Признание Усунью вассальной зависимости от Китая подтолкнуло Кангюй в сторону союза с хунну. Это был тактический шаг в борьбе за влияние на Усунь, одновременно определивший отношение к дальневосточной империи. Го-шунь с горьким отчаянием признавал: Кангюй «горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками. Чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов. Князьям и старейшинам его подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника» (ДАСА, с. 129).

В «Истории старшего Дома Хань» говорится, что Кангюй имел пять вассальных владений. Их китайские названия — Сусей, Фуму, Юни, Ги и Юегань — ничего не дают для идентификации с названиями местными либо взятыми у Страбона. Если руководствоваться географическими координатами китайских анналов, то эти владения должны были находиться в районе Кзыл-Орды на Сырдарье. Кангюй стремился подчинить себе Усунь. Ориентация же последнего на Китай вызвала резкое обострение и без того враждебных отношений Кангюя с империей. Вероятно, именно противодействие Кангюя парализовало китайское влияние в Давани (Фергане). Возможно, не без участия Кангюя в 65 г. до н.э. в Яркенде вспыхнуло восстание, в ходе которого погибли китайский посол и владетель-китаефил (Гумилев 1993а, с. 137–139).

Не имея больших возможностей для активных действий на востоке (сфера влияния юечжей, положивших начало образованию Кушанской державы), Кангюй обращает свои взоры к северу и северо-западу, завоевывает Яньцай. Данный факт, не без основания отмечает А.С.Скрипкин, «свидетельствует о завоевании Яньцай аланами в рамках проводимой политики Кангюя» (Скрипкин 1990, с.205).

Данная точка зрения находит все больше сторонников. В частности, А.А. Цуциев обратил внимание на свидетельство 118 главы «Хоу Хань шу», согласно которому Яньцай пережило два важных события: «переименовалось в Аланьна» и оказалось «в зависимости от Кангюя», хотя никаких серьезных этнических изменений не произошло. Вероятнее всего, оба события относятся «к самому началу правления младшей ханьской династии (25–220 гг.)». При этом новое название Аланьна трактуется «как государство алан», «Алания». Хотя «за кадром» осталось, что конкретно имеется в виду под «государством алан». Аланы, согласно А.А. Цуциеву, вторглись в Яньцай с территории Кангюя, основу населения которого составляли поздне-сакские и родственные им племена. Источники отмечают «близость кангюйцев в обычаях и одежде Яньцай-массагетам, а также юечжам-тохарам», что подтверждается археологическими материалами. Джетыясарская культура (Яньцай) характеризуется «резкой обособленностью от территориально более близких среднеазиатских культур (например, чирикратской) и в то же время обнаруживает тесные связи с культурами Средней Сырдарьи — оттарско-каратауской и каунчинской, которые считаются кангюйскими». По данным Л.М. Левиной, до П–Ш вв. в джетыясарских материалах

присутствует значительное число оттарско-каратауских форм и элементов, в то время как последняя культура содержит лишь единичные находки джетыасарской культуры. Это свидетельствует о направлении миграций и военных походов из Кангюя в Яньцай (Цуциев 1999, с. 16–18, 21).

Напомним, что еще раньше М.И.Ростовцев, говоря о тождестве аорсов и яньцай, писал: «спустя некоторое время после 25 г. по Р.Хр. другое племя одержало верх над ними и дало собственное наименование — аланы — всей конфедерации кочевников, которую оно контролировало» (Ростовцев 1993, с.92).

Вероятно, в начальный период взаимодействия алан и аорсов появился составной этноним «аланорсы» (Птолемей), многими исследователями воспринимаемый как показатель результата слияния двух народов (Ф.Альтхайм, О.Менчен-Хелфен, К.Ф.Смирнов, А.С.Скрипкин и др.).

Помимо аорсов, в конфедерацию во главе с аланами входили и другие народы или какие-то их части. В первую очередь речь идет об усунях, которых в течение многих лет окрепший Кангюй пытался подчинить своему влиянию. Некоторые специалисты усуней восточных памятников отождествляют с асиями античных авторов.

Плутарх в «Дорожнике Александра» обратил внимание на наиболее типичные особенности бытия рядовых скифов-асиев (абиев). Они «равны и в свободе и в бедноте. Нравы абиев отличаются красотой бедности и они соревнуются в том, чтобы ничего не иметь. Лук и стрелы у абиев — все их имущество: это то, чего они добиваются в жизни и что оставляют по наследству; у охотника есть стрела и у всех в обилии молоко и мясо, и достаточно шкур для одежды, кроме того, они гостеприимны и приветливы в речах» (ДАСА, с.79).

Более подробные сведения об усунях оставил китайский дипломат Чжан Цянь, какое-то время бывший послом в Усу ни. «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят с места на место. В обыкновениях сходятся с хуннами. Усунь имеет несколько тысяч войска, отважного в сражениях. Усунцы прежде были под зависимостью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались от своих поездок в орду... Правление усуньского большого гуньми (князя) в городе Чигу... Народонаселение состоит из 120000 кибиток, 630000 душ; строевого войска 188800 человека... Земли

ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса. Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде ... В их владении много лошадей и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов ... Усунь считается одним из сильнейших владетелей» (там же, с. 127–128).

Интересна легенда о возрождении племени усуней. По одной из версий, изначально усуньцы жили в Монголии под управлением гуньмо (Б.Г.Гафуров более точным считал куньмо от кун-баг «князь над племенами») Нань-доу-ми. Напавшие юечжи разгромили усуньцев и убили гуньмо. Оставшиеся откочевали под защиту хуннов (по другому варианту, напротив, именно хунны убили гуньмо). У погибшего вождя остался новорожденный сын. Как-то опекун запеленал младенца «и оставил его в траве, а сам ушел в поисках пищи. А когда он вернулся, то увидел, что волчица кормит его своей грудью, а ворон парит над ними, держа в клюве мясо. (Опекун) счел его духом и, взяв на руки, унес к хуннам. (Хуннский) шаньюй полюбил и воспитал его. А когда гуньмо достиг зрелости, он вернул ему народ его отца и послал возглавить войско». В конце концов юноша отомстил за смерть своего отца и «разгромил юечжей» (Бичурин 1950, с. 155–156).

Приведенное сказание имеет яркие параллели в нартовском эпосе осетин, особенно это касается сюжета с волком (Миллер 1881, с. 147; Абаев 1949, с.187; 1965, с.88–90; Нарты 1990, с.87–89). Что касается роли ворона в возмужании фольклорного главы усуней, то еще Э.Шарпентье счел возможным китайское Усунь переводить как «'сыновья сына ворона', что должно быть старым тотемным названием племени» (Charpentier 1917, S.357 Anm. 5)

Интересно сообщение усуньского фольклорного памятника о том, что гуньмо «разгромил юечжей». Не это ли событие имел в виду Помпей Трог, говоря, что «Ассии — цари тохаров» (юечжей)? Во всяком случае, как отечественные, так и зарубежные исследователи сообщение Трoга не ставили под сомнение (Feist 1924, S. 112–113; Maenchen-Helfen 1945, p.78, 80; Бернштам 1947а, с.43).

Усиление усуней к концу II в. до н.э. подтверждает тот факт, что Чжан Цянь предложил престарелому гуньмо взять в жены китайскую царевну (ДАСА, с. 128) и переселиться в очищенные от хуннов земли на правах вассала императора. С первым предложением гуньмо согласился, но от

переселения с цветущего Тянь-Шаня в голую Алашанскую степь категорически отказался. О величии усуней в тот период красноречиво свидетельствует и то, что на приемах владельца Кангюя усуньским «князьям и старейшинам подают кушанье прежде, а потом уже посланным от наместника (Китая)».

Во время пребывания в Усуни Чжан Цянь увидел, что среди тамошней знати нет единства. Средний сын гуньмо, Далу, ненавидел своего племянника, наследника престола. Престарелый гуньмо выделил обоим по 10 тысяч конницы в управление. Это вызвало беспорядки в стране, но пока престарелый гуньмо был жив, они не переросли во внутренние войны (Гумилев 1993а, с. 102).

В 72 г. до н.э. усунь совместно с Китаем решили нанести решающий удар по гуннам. 160 тысяч китайских всадников выступили пятью колоннами; одновременно 50 тысяч усуней напали на врага с запада. Приготовления императора гунны заметили и заблаговременно откочевали, сведя на нет действия китайских полководцев. Даже в китайских источниках приводятся смехотворные цифры убитых гуннов — от 19 до 700 человек — причем, два полководца попали под суд за преувеличение успехов и покончили жизнь самоубийством (Бичурин 1950, с.81–82). Зато бесспорный успех выпал на долю усуней; они разгромили ставку западного люли-князя, захватили в плен тестя, невестку шаньюня (главы гуннов), вождей, тысячников, воинов – всего 39 тысяч человек и 700 тысяч голов скота. Цифры выглядят завышенными, но, несомненно, потери хуннов были велики. Пытаясь исправить критическое положение, гунны в следующем году ударили по самому опасному противнику – усуням, уничтожив стариков и детей, остальных загнав в горы. Но на обратном пути победителей застиг большой снегопад и страшные морозы, погубившие почти все войско (Гумилев 1993а, с. 126).

Во внутренней жизни усунь постепенно переходили к оседлости. На Тянь-шане и в Семиречье раскопано множество их могильников. Полученный материал, отмечал Б.Г.Гафуров, корректирует данные письменных источников и «приход усуней с востока не следует понимать слишком буквально». Видимо, в Среднюю Азию переселилось небольшое племя (или группа племен). «Основная же часть племенного союза, известного в истории под названием усунь, представляет дальнейшую трансформацию местного сакского населения» (Гафуров 1972, с. 139).

Э.Шарпентье усуней китайских памятников отождествлял с асиями Страбона и Трога и считал прямыми предками осетин (Charpentier 1917, S.349, 353–359), особо подчеркивая: «Итак, аси-ев, асиани или у-суней надо попросту рассматривать как предков известных нам алан и осетин ...» (Charpentier 1917, S.365). Оставляя в данном случае в стороне недостатки концепции Э.Шарпентье, отметим, что он асиев (усуней) рассматривал в качестве непосредственных предков алан. Это мнение разделяет ряд ученых (Maenchen-He If en 1945, p.74, 78:Харматта//Архив СОИГСИ, all, 15–18). Принципиальную позицию занимал Г.Вернадский. Он считал возможным асиев отождествлять с асами, «которые являются предками осетин. Иначе Асы известны как Аланы». Он обратил внимание, что, по китайским источникам, усуни имели голубые глаза и белокурые волосы — черты, указывающие «на их арийское происхождение; вполне вероятно, что они были одним из сарматских племен, возможно, другой ветвью тех же Аланов...» Г.В.Вернадский присоединился к мнению Э.Шарпентье о соответствии асиев усуням, а также к тому, что «имя Ас имеет параллельную форму Ос, которая сохранилась в названии осетин» (Вернадский 1992, с.215–216). В другой работе, посвященной эпической поэзии осетин, Г.Вернадский вновь повторил: «есть вполне серьезное основание считать, что народ усунь был аланской ветвью» (Вернадский//Архив СОИГСИ, с. 10).

Более осторожен в данном вопросе Р.Фрай: «Многие исследователи отождествляют усуней с асами (аланами), что порождает новые проблемы как лингвистические, так и исторические». Он склонен присоединиться к другому направлению решения проблемы. «Отождествление тохаров с усунями китайских источников и исседонами, упоминаемыми Геродотом, является не более чем гипотезой, основанной лишь на лингвистических реконструкциях (точность которых оспаривается) и умозаключениях, тем не менее это отождествление кажется соблазнительным». Вместе с тем, Р.Фрай допускает, что «какая-то часть усуней соответствует асиамам (asiani)...» (Фрай 1972, с.223–224). В примечании к мысли о возможном соответствии усуней асианам, ученый пишет: «Отождествление исседонов... с усунями, арси, асианами или асами-аланами сопряжено со значительными трудностями, хотя в принципе любая из этих идентификаций (или все) возможны». В одной из последних работ Р.Фрай уточнил свою позицию: одна из возможных связей между Северным Кавказом и Центральной Азией — «это самоназвание осетин, которое

относится к аси — народу, являвшемуся группой алан... Здесь можно вспомнить асиев или асиан классических источников. Они были одними из кочевых племен, вторгшихся в Бактрию в конце II в. до н.э. Они идентифицируются с усунями китайских источников, населявших долину р. Или...» (Frye 1996, p. 4).

Источники, как нам представляется, все-таки дают определенные основания для сопоставления усуней с асиями, а в последних видеть ранних алан (возможно, точнее — часть ранних алан). В числе «скифских» племен, «которые отняли у эллинов Бактриану», Страбон назвал асиев (Страбон 1993, с.287). Описывая те же события Помпеи Трог, в передаче Юстина, «асиев» заменил на «асиане» (ДАСА, с. 101) — форма, близкая к усунь.

Этноним «ас/и/», отмечал Э.А.Грантовский, «достаточно рано засвидетельствован среди сарматов, а также достаточно надежно определяется в некоторых личных именах Северного Причерноморья, причем в оформлении, явно указывающем на сармато-осетинскую диалектную среду» (Грантовский 1975, с.79).

Ю.С.Гаглойти как раньше (Гаглойти 1962, с. 172; 1966, с.76–79), так и в настоящее время (Алано-Георгика 1992, с. 189), считает, что асии (асиане) — это «те же аланы». С некоторыми оговорками мы присоединимся к мнению А.С.Скрипкина об асиях как ранних аланах. «Какое-то время они находились на территории к югу от Аральского моря, этим, вероятно, объясняется особая близость осетинского языка с хорезмийским и согдийским, отмеченная лингвистами» (Скрипкин 1990, с.202).

Независимо от соотношения асии-усуни, последние причастны к формированию ранних алан, ибо в конце I в. до н.э. около 100000 усуньцев из-за междоусобиц покинули родину и осели в Кангюе. И лишь затем, спустя 30–50 лет, Кангюй завоевывает Яньцай, в результате чего тот переименовался в Аланья.

Решать проблему этногенеза ранних алан и не коснуться вопроса юечжи (тохаров) — невозможно. При этом мы четко осознаем, насколько сложна сама по себе тохарская проблема. Каких только версий не выдвигалось за более чем двухвековую историю их изучения. Называя тохарскую проблему «весьма сложной», Р.Фрай стремился «показать читателям трясину, в которой оказались многие ее исследователи,

пытавшиеся примирить противоречивые данные источников» (Фрай 1972, с.222–223).

Юечжийская проблема получила мощный импульс в результате лингвистических исследований ученых разных стран. Появилось множество исключаящих друг друга гипотез и теорий. Объединить накопленные факты, наблюдения, сообщения в единую картину пока не удается (Гафуров 1972, с. 129–133). Одно время усиливалась тенденция считать юечжей носителями т.н. «тохарских» языков, отличных от диалектов ираноязычных племен. Однако, как подчеркивает Г.М.Бонгард-Левин, этноним «тохары» применялся и к ираноязычным племенам. Но даже если принять гипотезу об особом языке юечжей, то «надо будет признать факт перемещения на территорию Бактрии центральноазиатских племен, передавших местному населению свое название, но ассимилированных бактрийцами и утративших свой язык» (Бонгард-Левин, Ильин 1985, с.395). Предпринятый Б.Лауфером в небольшой работе, изданной тиражом всего в 500 экз. и не получившей большого распространения, анализ юечжийской лексики показал, что они говорили на североиранском языке, принадлежавшем к той же группе, что и скифский, осетинский, согдийский и ягнобский (Гумилев 1993, с.282–283).

Большинство исследователей, признавая язык юечжей–тохаров иранским, остро дискутируют в отношении их конкретной племенной принадлежности. Г.В.Вернадский (1992, с. 215) наиболее вероятной считал связь юечжей «с сарматским племенем, Аланами». Рассматривая сообщение Трога об «асианских царях тохаров», ученый отмечал по этому поводу: «народом юечжи (в тексте ошибочно йюки–Ф.Г.) управлял аланский род... мы можем предположить, что позднее некоторые группы юечжи присоединились к ним в их движении на запад. Мы можем также предположить контакт между тохарским и аланским языками» (Вернадский 1996, с. 103). С первой половины XIX в. существует гипотеза, по которой юечжи — это массагеты. Среди советских исследователей ее активно разрабатывал С.П.Толстов (1948, с.242–245). Он исходил из того, что догадка О.Франке о перекочевке части массагетов из Средней Азии на северо–восток — бесспорный факт (хотя веских аргументов в ее пользу не привел). Другие версии происхождения юечжей С.П.Толстов с излишней категоричностью объявил «предвзятыми и псевдонаучными конструкциями». Тождество юечжей и массагетов признают А.С.Скрипкин

(1990, с. 199), Ю.С.Гаглойти (с оговоркой, что массагеты — часть скифов) (1962а, с. 173). Г.Халоун (1937, S.316–31&) и в какой-то мере В.И.Абаев (1965, с. 138) в юечжах видят скифов (саков); и т.д.

Остро дискутируется и вопрос о времени появления тохаров в Восточном Туркестане. Среди обитающих там племен в рукописи «Естественной истории» Плиния упоминаются и Phocari (Focari), что «давно — и вполне убедительно ~ отождествлено с Tochari» (Вигасин 1999, с. 22). Е.Е. Кузьмина, полагая, что «время прихода тохар в Восточный Туркестан с прародины неизвестно», в качестве гипотезы предлагает рубеж IIII тыс. до н.э. В таком случае может быть поддержано предположение лингвистов о приходе тохаров в Восточный Туркестан ранее иранцев (Кузьмина 1999, с. 163, 171). И.В. Пьянков (1994, с. 206), предлагая на роль древнейших предков тохаров носителей афанасьевской культуры, присоединился к мнению Р. Фрая о продвижении тохаров «далеко на юг и восток еще до распространения индоиранцев в этих же направлениях» (Пьянков 1999, с. 218). Наконец, Ю.А. Заднепровский (1998, с.33–34) предполагаемой прародиной юечжей считает провинцию Ганьсу в Китае, откуда они под давлением гуннов мигрировали на Запад.

Интересно указание китайских источников о близости «в обычаях и одежде» кангюйцев с яньцай и тохарами/юеджами. Китайские источники в описании раннесредневекового социума Яньцай вместо прежнего Аланья употребляют наименования Сутэ либо Вэньнаша. По мнению японских ученых, иероглиф «вэнь» является именем собственным. В этом случае еще раз подтверждается связь яньцай/алан с кангюйцами, у коих в тот же период имя Вэнь носили правители владения Кан, правопреемника Кангюя. Вместе с тем этот же иероглиф устанавливает связь и алан, и Кангюя с тохарами, на территории первоначального обитания которых он зафиксирован с I н.э. до н.э. (вэньоуто–ван). В китайских памятниках упоминается князь Аланьми, который «происходит из Дома канского государя»; кангюйским удельным князьям из тохарского рода Чжаову принадлежали города Алань и Аланьми (Габуев 2000, с. 24–25).

Все это свидетельствует о существенной роли тохаров в формировании ранних алан.

Интересно, что этноним «тохары» ряд исследователей (Ф.Альт–хайм, Г.Вернадский и др.) выводят из аланского (осетинского) toh «борьба» и в

конечном итоге тохары переводят как «воин, борец» (Гаглойти 1962а, с. 174). О. Менчен-Хелфен и А. Бернштам в западных осетинах (аланах) — дигорцах видели потомков исторических тохаров (Maenchen-Helfen 1945, р. 78–80; Бернштам 1947, с. 134–148; 1950, с. 148). По мнению американского ученого, первые группы «тохаров мигрировали на запад одновременно с сатархами и асами», составив с ними «одну волну миграции». В период продвижения на запад связи между асами и тохарами «ослабели»: «в источниках нет ничего, что бы указывало на такую же тесную связь между асами и тохарами, которая существовала» у них в Средней Азии (Maenchen-Helfen 1945, р. 78–79). Синтез асиев (усуней) с тохарами на землях к востоку от Каспия признавался и советскими учеными (Бернштам 1947а, с. 43; Абаев 1995, с. 411). Относительно раннюю миграцию тохаров на запад, возможно, подтверждают античные авторы, если номадов видеть в придунайских сармато-аланских племенах «тагров» Птолемея (III, II) или в упоминаемых Плинием (VI, 22) придунайских тагорах (Удальцов 1946, с. 46).

Не отрицая в принципе связь алан-овсов, в частности дигорцев, с тохарами, Ю. С. Гаглойти полагает, что «существование у осетин племенного названия тохаров-дигоров в виде дыгор-дигор говорит не о происхождении дигорцев от тохаров, а лишь о сохранении массагетского (resp. аланского) племенного названия в этнической номенклатуре современных осетин» (Гаглойти 1962а, с. 135).

В последние годы версию «тохары-дигоры» весьма активно разрабатывает Б. М. Керефов. На территории Центрального Кавказа, некогда заселенной аланами, ему удалось выявить несколько топонимов, связь которых с тохарами, «возможно, не исключается». Б. М. Керефов обратил внимание на топоним «равнина Тохара» в Чегемском ущелье и сопоставил его с топонимом «равнина Тагара» нартовского эпоса осетин (Керефов 1988, с. 124–131). В этой связи напомним, что Ананий Ширакаци в своей «Географии» (VII в.), описывая народы Азиатской Сарматии, на Северном Кавказе назвал «Аланов, Аш-Дигор... Аланы позади Дигоров в стране Ардоз Кавказских гор» (перевод С. Т. Еромяна). В более ранних переводах краткой и пространной редакций «Географии» составной этноним передан в форме Аш (Ас)-Тигор (переводы К. П. Патканова 1883 г. и И. Маркварта). В варианте перевода А. Сукри цитированный фрагмент приведен так: «За Тикор, аланы в местности Ардоз...» (Армянские... 1985. Вып. II, с. 17). В. А. Кузнецов (1999, с. 174)

приводит еще один перевод — Р. Хьюсена: «There are many (peoples) in Sarmatia beginning from east to west thus: first the nation of the As-Tigor Alan's...» (курсив мой — Ф.Г.).

В.А. Кузнецов обратил внимание на принципиальное отличие последнего перевода от предыдущих. У Р. Хьюсена описание народов Сарматии идет с востока на запад, в то время как у всех его предшественников — с запада на восток. В результате получаем диаметрально противоположную этнографическую карту Кавказа. Но в данном случае для нас более важно, что и здесь интересующее нас племя названо «Ас-Тигор». По убеждению Б.М.Керефова, Тикор/ Тигор и Ас-Тикор «в фонетическом отношении вполне безупречно связывается не только с Дигорами, но и с племенным названием тохаров...» Сходный процесс фонетического изменения этнонима тохары вроде бы прослеживается и в азиатском регионе. Через ряд промежуточных форм он в конечном итоге у Махмуда Кашгарского (XI в.) и Рашид-ад-дина (XIV в.) трансформируется в Тюкер/Дюгер (Керефов 1988, с. 136–138).

Не имея специальной подготовки в области исторического языкознания, нам трудно разобраться в лингвистических тонкостях аргументации Б.М.Керефова. Заметим, однако, что его историко-этнографические параллели не лишены основания. Здесь же отметим, что В.И.Абаев зафиксировал у осетин (именно у дигорцев !) термин тагажраг «тахарский», восходящий «к названию какой-то страны... Быть молсет, отзвук этнонима тохар, относившегося к иранскому племени в Бактрии» (Абаев 1979, с.242).

Отметим еще один интересный факт. На кобяковской гривне бактрийского происхождения имеется антропоморфное изображение бога или героя, сидящего со скрещенными «по-восточному» ногами. В сарматской иконографии подобных изображений известно всего 4. Иконографически наиболее близкое — из Соколовой Могилы — также бактрийского происхождения. Существует предположение, что к нижнедонским аланам данная вещь могла попасть как военный трофей или дорогой подарок; изображенное божество — центральноазиатское (юечжийское) и к европейским аланам вроде бы отношения имеет лишь косвенные. Однако находка аналогичного антропоморфного изображения в аланских памятниках Осетии может изменить эту оценку. В 1993 г. при расчистке катакомбы 3 могильника VIII–IX вв. у горного с.Даргавс в Северной Осетии обнаружен тайник с предметами конского убора.

Заслуживают внимания небольшие (выс. 13 мм) литые серебряные с позолотой на лицевой стороне бляшки с антропоморфным изображением, удивительно напоминающим фигуру божества с кобяковской гривны. Общее семантическое сходство не вызывает у археологов сомнений: «даргавская фигура имеет те же морщинистый лоб, непропорционально большую голову, треугольную бородку, что и кобяковский божок; похожи узкие прямые штаны и позы сидящих». Вещи, по убеждению исследователей, происходят из местной мастерской, нет никаких оснований предполагать восточное происхождение бляшек с фигурой сидящего мужчины. Если кобяковский курган оставлен ранними аланами, то появление аналогичной фигуры в аланском комплексе через 8 столетий позволяет предположить, что рассматриваемое божество принадлежит к аланскому пантеону. Столь длительное его существование в иконографии в практически неизменном виде вероятно связано с тем, что изображенный — одно из главных аланских божеств. По мнению А.А.Цуциева (1998, с.45), археологические материалы из Даргавса «свидетельствуют о родстве северокавказских алан и бактрийских юечжей...»

Протоаланы. Этногенез ранних алан. (III)

Январь 22, 2010

Процесс формирования ранних алан сопоставим с этногенезом древнерусского народа из различных восточнославянских племен: полян, древлян, кривичей и др. Ранние аланы – это не потомки какого-то одного племени (аорсов, либо сираков и т.д.), а результат синтеза близкородственных «скифских» этносов (или их частей) района Окса–Яксарта–Приаралья. Возможно, решающий толчок к формированию нового этнообразования дали известные политические события в этом регионе в конце II в. до н.э. В новом союзе племен сако–массагетского круга быстро усиливались Кангюй и Усунь (асии). После того, как в конце I в. до н.э. сначала Жили со своими сторонниками (Кюннер 1961, с.91), а затем и мятежный Бихуаньчжи с 80000 подданных из-за междоусобиц покинули Усунь и переселились в Кангюй (Яценко 1993, с.68) (синтез!?), последний, разумеется, усилился. Вскоре он завоевал Яньцай (аорсов), в результате чего «Яньцай переименовалось в Аланья». Это не означает, что этноним «аланы» появился в начале н.э. По справедливому замечанию М.И.Дьяконова (1951, с. 90), «нет ничего более наивного, чем мнение...

что первое упоминание в источниках какого-либо этнонима есть показатель времени сложения данного народа». Племя под названием «аланы» наверняка существовало и до 25 г. н.э. (вспомним, например, роксалан II в. до н.э.). Вышеизложенное означает лишь, что в результате этнополитических событий на рубеже двух эр оформился новый мощный союз близкородственных ираноязычных племен во главе с аланами, давшими всему объединению свое имя (ср.: там же, с.90–91).

Итак, раннеаланский племенной союз сложился в юго-восточном Приаралье. Этот район вместе с низовьями и средним течением Сырдарьи являлся одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами евразийского степного пояса и земледельцами оазисов Средней Азии. Регион был своеобразным «перекрестком» исторических путей передвижения народов, миграционных потоков и торговых дорог. Здесь сложились условия для устойчивого сосуществования и взаимовлияния различных этносов и союзов племен. Вполне закономерно специалисты называют данный регион «аральским узлом» этногенеза (Левина 1997, с.3, 11).

Все крупные этносоциальные организмы региона были полиэтничными. Это в равной мере относится к Усуни и Кангюю (Заднепровский 1997, с. 14, 19, 35, 57). Следовательно, уже в момент возникновения раннеаланского союза он был полиэтничным.

Среднее и нижнее течение Сырдарьи, сопредельные районы, некоторые области Таджикистана и Туркмении до сих пор сохранили следы пребывания алан. Помимо отмеченных выше языковых параллелей между населением названных регионов и кавказскими потомками алан — осетинами, на это указывает немало фактов. В XI в. Бируни писал об аланах Сарыкамыша: «они — род аланов и асов, и язык их теперь составлен из хорезмийского и печенежского» (Бируни 1966, с.96). В Туркмении еще в 30-х гг. XX в. встречались потомки алан, сохранившие некоторые элементы культуры, собственное самоназвание («олам» или «улам»), жившие компактно, «обособленно от туркмен-арсаринцев, сохраняя чистоту крови, не смешиваясь с другими» (Бахтиаров 1930, с.39). Топоним «алан» (селения, урочища, водные источники) не редкость на территории Хорезмского оазиса. На старых картах отмечены урочище Кырк-алан («сорок алан») на правом берегу Амударьи и канал Алан-яб на левом. Наименование «асе» еще в недавнем прошлом сохраняло одно из

подразделений узбеков левобережного Хорезма (Толстова 1977, с. 152). Л.Столетова, исследуя исторический фольклор каракалпаков, ближайших соседей населения Хорезмского оазиса, доказала генетические связи широко известного дастана «Кырк кыз» с нартскими сказаниями потомков алан — осетин (Толстова 1984, с. 186–216). Следы культурной преемственности с иранским миром сохранились и в быту жителей Средней Азии (Басилов 1997, с.38–39).

Среди аргументов в пользу среднеазиатской версии формирования ранних алан имеется еще один, оставшийся практически незамеченным в отечественной сарматологии. Речь идет о пряслице, найденном во время археологических раскопок поселения на р. Малый Узень в Западном Казахстане. Анализ находки приведен в статье Я. Харматты «Из истории алано–парфянских отношений» (*Acta Antiqua Hungaria*. Budapest, 1965. Т. XIII). Ученого привлекла парфянская надпись на пряслице. Находка, по его убеждению, сделана на территории постоянного обитания алан. В подтверждение своей позиции Я.Харматта приводит археологический материал, доказывающий, что район малоузеньской находки располагался в центре аланских владений. Он же примерно определил время, в которое парфянское пряслице попало на аланскую территорию. Аланы совершили несколько опустошительных набегов на Парфгао. В ходе одного из них, в 72 г., они захватили в плен жену и наложниц правителя Мидии Пакора, и освободили их лишь за выкуп в 100 талантов. А в Армении сам царь Тиридат едва не попал к ним в плен. Опустошив обе страны, аланы вернулись в свои земли, «с огромной массой пленников и другой добычи». Второй поход состоялся в 135 г. По Диону Кассию, «Мидия сильно пострадала», Армения и Каппадокия также были затронуты аланским вторжением. Как полагает Я.Харматта, и на этот раз основная добыча алан захвачена в Парфии (там же, р. 144–147).

Венгерский исследователь предполагает две возможности появления пряслица с парфянской надписью на р.Малый Узень. Либо плененная аланами парфянка привезла пряслице с собой, либо грамотный парфянин уже в плену изготовил это орудие для своей дочернина пряслице упомянуты отец и дочь). Что касается окончательной даты появления названного памятника, то Я.Харматта склонен отнести ее ко времени похода алан 135 г. Можно разделить вывод ученого: «тот факт, что плененные аланами парфяне попали на столь отдаленную территорию, говорит о том, что в набеге участвовали не только аланы, жившие в

районе Кавказа, но и группы алан, населявшие другие края» (там же, р. 147).

Таким образом, в начале н.э. часть ранних алан осталась в Средней Азии, а часть мигрировала на запад. Маршрут миграции помогают проследить археологические материалы. Обращает на себя внимание сходство некоторых типов погребальных сооружений джеты-асарской культуры (основного населения Кангюя) и кавказских алан. Среди раскопанных 740 джетыасарских курганов 102 содержали кирпичные сооружения — склепы. В своем движении на запад, включая и в районы Северного Кавказа, носители джетыасарской культуры приносили с собой и свои обычаи, типы погребальных сооружений. В этой связи Л.М.Левина напоминает «аланские каменные склепы Северного Кавказа» (Левина 1997, с. 6). Здесь же уместно вспомнить слова Г.П.Снесарева: «Обнаружив в Хорезме среди потомков древнего аборигенного населения наземный способ захоронения в сооружениях типа склепов (иногда на нарах в два и три этажа), мы смогли найти ближайшие ему аналогии не в Средней Азии, а на Кавказе у осетин; это мнение разделяют и кавказоведы» (Снесарев 1983, с. 181).

Археологические памятники алан Приаралья и Кавказа имеют общие черты и в керамике. Согласно анализу Л.М.Левиной, своеобразный джетыасарский керамический комплекс, отличавшийся четко стандартизированными формами, пропорциями, технологическими приемами, известен по находкам не только в Приаралье или Фергана, но и на Северном Кавказе (Левина 1997, с.8–9). Со Средней Азией М.Б.Щукин связывает находки в кавказских древностях баклажки, боченовидных сосудов и другой парфянской и среднеазиатской керамики (Щукин 1994, с. 207).

С восточным импульсом археологи связывают появление в I в. н.э. в степях юга России богатых женских погребений. Хотя первое такое погребение в Комарово Моздокского района Северной Осетии хронологически скорее всего им предшествует.

Античная традиция (Геродот, Псевдо-Гиппократ и др.) в общественной жизни савроматов большую роль отводили женщинам. Обычай, якобы, запрещал савроматским женщинам выходить замуж, не убив предварительно в сражении врагов (или одного, как у Геродота). Обратив на это внимание, Ф.Бози отметил, что в литературе о «варварских» народах убийство первого врага и доказательство этого —

отрубленная голова — рассматриваются как успех в инициационных испытаниях, знак совершеннолетия, до которого вопрос о браке вообще не стоит. В середине IV в. до н.э. Платон писал, что женщины у кочевников все еще обладали боевыми традициями; эти женщины «хорошо знакомы... с луком и стрелами и со всеми остальными искусствами, и в этих искусствах, которыми они владеют как мужчины, они упражняются как мужчины». В двух периплах, приписываемых Скилаку и Скимну, видимо, частично отражавших ситуацию и знания IV в. до н.э., савроматы названы термином, дословный перевод которого означает «подчиненные женщинам». По мнению ученых, данный термин обозначал не столько реальное господство, сколько повышенный престиж женщин и их большую свободу в семейной жизни. Что касается археологических находок, то, как полагает Ф.Бози, оружие в женских могилах могло свидетельствовать не только об их воинском статусе, но и о высоком престиже. Вслед за А.М.Хазановым он подчеркивает, что малое число могил с мечом или копьем и большое число со стрелами указывает на участие савроматских женщин только в дистанционном столкновении, без вступления в ближний бой (Статистическая... 1994, с.22–24).

Последнее утверждение оспорил Г. А. Федоров–Давыдов (1996, с. 217): «Вряд ли была такая прямая связь между военной тактикой и обрядом погребения. Ведь и среди мужских много погребений со стрелами без мечей».

В IV в. до н.э. в сарматской среде появляются новации, в том числе преобладание женских захоронений, что Б.Ф.Железчиков рассматривает как показатель «некоторых изменений в жизни общества номадов». В качестве примера богатых женских сарматских погребений можно привести социально значимое захоронение Новоорский I (к. 10 п. I), в котором обнаружено 2 женских костяка с богатым набором инвентаря, включая золотую гривну, золотые нашивные бляшки и большое количество ритуальных предметов и веществ (Статистическая... 1997, с.98, 107).

К.Ф.Смирнов полагал, что гинекократические черты — погребения женщин с оружием — из всех ираноязычных племен более всего характерны для савроматов, составляя у них 20% от общего числа могил. Однако статистическая обработка погребений рядового скифского населения показала, что в их обществе захоронения вооруженных женщин — обычное дело. В половине женских погребений обнаружены

наконечники стрел, а в четвертой части — копья. Получается, что процент вооруженных женщин в погребениях скифов значительно больше, чем у савроматов — 37% против 20% (Смирнов 1984, с.6, 34). В данном случае речь идет о рядовом населении. В Комарово же похоронена знатная женщина с богатейшим сопровождающим инвентарем. Такого рода захоронения в юго-восточной Европе предыдущего времени практически не известны. Прослеживаются они в Южном Приуралье.

В диагональном погребении 3 кургана 2 могильника Тара-Бутак обнаружен костяк женщины 50–60 лет (головой на запад северо-запад) с богатым и разнообразным инвентарем. Погребение VI–V вв. до н.э. согласно К.Ф.Смирнову, принадлежало савроматской жрице-наезднице. В Мечетсайском могильнике к богатым женским погребениям относятся уже упомянутое диагональное женское захоронение в кургане 1 III–II вв. до н.э. В этом же могильнике имеется целая серия богатых женских погребений IV вв. до н.э.: погребения 8 и 9 катакомбы 7, погребения двух женщин (с гривнами, обложенными золотым листом, серебряными браслетами, серьгами, оружием и великолепным ближневосточным зеркалом со сценой адорации) в могиле 5 кургана 8, диагональное погребение 1 кургана 9 и др. (Смирнов 1975, с.41–42, 76–79, 121–122, 136–143, 143–145).

К западу от Приуралья столь богатые женские погребения — редкость. Можно выделить курган второй половины IV в. до н.э. у хутора Сладковский на Дону, главным погребением которого являлось захоронение знатной женщины с богатым инвентарем: серебряная гривна, полный комплект вооружения (массивное копьё, длинный меч, колчан со стрелами) и др. Вероятно с ней же связано захоронение коня с металлическими деталями сбруи и уздечки (Смирнов 1984, с.44–54). Это погребение К.Ф.Смирнов (1982, с. 121) на звал «наиболее ярким погребением сарматской амазонки». Помимо отмеченного вооружения и захоронения коня, ее сопровождали остатки частей разрубленной туши крупного барана, большое бронзовое зеркало с плоской ручкой, серебряные серьги, серебряная витая гривна с напаянными на концах полыми фигурками хищников, браслет из эллинистических бус и т.д.

В Причерноморье около 150 г. до н.э. действовала царица Амага (Граков 1954, с.28), которая, возможно, была предводительницей роксалан (К.Ф.Смирнов). Однако ее могила пока не обнаружена.

Несколько ярких сарматских комплексов первых вв. н.э. в последние годы открыты во II Авиловском могильнике на Иловли. Среди них выделяется курган 11 (I в. н.э.), содержащий богатое диагональное погребение женщины 40–45 лет. Анализировавший материалы данного комплекса И.В.Сергацков отметил, что среди диагональных погребений среднесарматской эпохи выделяются богатые женские погребения с едва ли не стандартным набором богатого инвентаря. К их числу относятся курган у с.Третьяки на Среднем Дону, несколько комплексов в Поволжье и целая серия погребений на Нижнем Дону (о последних см.: Ильюков, Власкин 1992, с.30–168). Все это довольно богатые захоронения, но не уровня погребений сарматской знати высшего ранга, хотя погребенные женщины имели высокий социальный статус. Важно и то, что все они были взрослыми женщинами. И.В.Сергацков в этой связи напоминает, что у осетин женщина почтенного возраста (40–50 лет) в иерархии семьи занимала место хозяйки, госпожи (осетинское и аланское «ахсин» — властвовать); она являлась главным распорядителем и имела неограниченную власть над другими женщинами семьи. Присутствие в рассматриваемых комплексах предметов ритуальной практики свидетельствует о том, что при жизни эти женщины были наделены жреческими функциями. Исследователь присоединился к З.Х. Албеговой, которая на основе анализа археологических данных и материалов осетинского эпоса пришла к выводу о выполнении женщиной функции домашней жрицы в обществе раннесредневековых алан. «С определенной долей вероятности авиловское и ему подобные погребения можно считать захоронениями домашних жриц, хозяек. Погребения типа 'Хохлача', 10-го Кобяковского кургана и другие, видимо, имели более высокий статус» (Сергацков 1998, с. 156–157).

Все перечисленные комплексы по богатству сопровождающего инвентаря явно уступают Комаровскому комплексу, который открывает серию богатых женских погребений в степях юго-восточной Европы. Вообще, эта серия богатых женских погребений в степях юга России распространяется лишь с I в. н.э. Археологи связывают это с восточным импульсом: миграцией на запад ранне (или прото) аланских племен — этнических групп сако-массагетского круга.

История сако-массагетских племен Азии действительно богата «амазонскими» мотивами. Вспомним, например, рассказы античных авторов о знаменитых царицах-воительницах Томирис и Зарине.

Показания письменных источников подтверждаются археологическими данными. Анализ сакских древностей присарыкамышских могильников указывает на особое положение женщин в коллективе. Об этом говорят находки в женских погребениях предметов вооружения в комплексе с вещами явно культового назначения. Судя по материалам чиркрабатского периода, традиция хоронить женщин с оружием в Приаралье сохраняется долго (Яблонский 1996, с.66). Более того, набор предметов, отражавших культовую деятельность (каменный алтарь или зернотерка с пестиком в сопровождении реальгара, бронзовые зеркала), в равной степени характерны как для богатых, так и для бедных погребений. На этом основании археологи полагают что «у саков именно женщины выполняли ритуально-жреческие функции» (Итина, Яблонский 1997, с.80).

Аналогичная картина наблюдается и в других местах обитания саков. В уникальном непотревоженном алтайском кургане IV–III вв. до н.э. на р. Ак–Алах, в 14 км от границы с КНР обнаружена женщина европеоидного типа 17 лет. Среди богатого сопровождающего инвентаря выделим железный нож, наконечники стрел, остатки сложносоставного лука и колчана. Это погребение представительницы знати средней руки, занимавшей, видимо, промежуточное положение между рядовыми членами общества и высшей элитой (Полосьмак 1997, с. 142–143).

Среди памятников усуньской поры вызывает интерес Карга–линское погребение женщины–шаманки, обнаруженное в ущелье поблизости от г. Алма–Аты. В могиле оказалось около 300 предметов из золота с инкрустацией из бирюзы. Богатый инвентарь сопровождал погребение (руб. н.э.) женщины в Кызыл–Кыр Бухарского оазиса. Судя по качеству и количеству украшений, эта незаурядная женщина принадлежала к знати, а погребение в известной мере сопоставимо с княжескими погребениями Тилля–тепе (Заднепровский 1997, с.18, 104).

В джетыасарских памятниках Кангюя в женских погребениях не редкость одно– и двулезвийные кинжалы, другие виды вооружения (исключая мечи). Многие детали женской (как и мужской) одежды носителей джетыасарской культуры находят аналогии в материалах прежде всего евразийских степей савроматского и сарматского времени, а также в богатых погребениях Тилля–тепе. Кожаные одежды всадниц из джетыасарских курганов близки к кожаным накидкам из горноалтайских

сакских погребений (Левина 1997, с.8–9). Остатки кожаной одежды отмечены и в комаровском погребении.

Ранне (прото) аланские «амазонки» претендовали на исполнение не только военных, но и иных функций. Интересный материал на эту тему дает богатый курган 10 Кобяковского могильника у восточной окраины г.Ростова, в коем, по мнению археологов (Б.А.Раев, А.С.Скрпкин, В.А.Симоненко, В.К.Гугуев, И.П.Засецкая, Т.А. Прохорова и др.), похоронена представительница элиты раннеаланской аристократии. Отметим некоторые характерные особенности погребения.

Удивление вызывает то, что кости правого предплечья скелета женщины 25–30 лет обломаны. Фаланги пальцев правой кисти со следами искусственных подпилов находились под черепом и вокруг него. Аналогичный ритуал отсечения правой руки у принесенных в жертву Аресу пленных отмечен Геродотом у скифов. Данный ритуал Ж.Дюмезиль сопоставил с сюжетами нартовского эпоса осетин, в которых Сослан и Батрадз отрубали противникам правую руку, что свидетельствовало о позорной смерти (Дюмезиль 1990, с. 19–23).

Архаические представления о правой руке в значении положительного (в отличие от отрицательной левой) имеют несомненную биологическую основу. Здесь же отметим, что в осетинском языке слово *galiw* «левый» одновременно означает «плохое–дурное» (Уарзиати 1987, с.35). У древних индоиранцев бытовали представления «о правой руке, плече, лопатке как месте нахождения сакральной воинской силы, силы, которую могли дать воину всегда заботящиеся о потомках предки» (Цагараев 1995, с.35). С этой точки зрения дифформация правой руки знатной аланки из Кобяковского кургана выглядит несколько странно.

Сопровождающий инвентарь богат и разнообразен: множество золотых предметов, шкатулка, амулеты, браслеты, железный нож, серебряная ложка, китайское бронзовое зеркало, бронзовый таз, деревянный сосуд, конская сбруя и т.д. Интересно, что богато украшенный головной убор и сбруя окрашены в красный цвет — цвет воинов (если это не случайное совпадение).

Заслуживает внимания золотая ажурная гривна весом 485,9 г. В центре фриза изображен сидящий на коврике со скрещенными в восточной позе ногами мужчина с пышной прической и бородой. Одет он в кафтан и узкие штаны, заправленные в сапоги с застежками. В руках у

мужчины чаша, на коленях — меч в ножнах. Оба предмета в древних иранских обществах были сакральными: чаша — атрибут жреческой власти, меч — атрибут царской власти. Т.А.Прохорова обратила внимание на то, что центральный персонаж сидит на коврике с двумя поднимающимися вверх косичками по углам — в индоиранской традиции и шаманской практике признак места, где боги или жрецы совершали акт жертвоприношения (Прохорова 1993, с. 179–180).

Наличие в Кобяковском кургане таких инсигний власти, как диадема, гривна, топор, парадная конская упряжь с родовой тамгой позволяет сделать вывод о «царском» статусе погребенной. А найденные здесь же предметы культового назначения: сосуды, курильницы, амулеты и др., Т.А.Прохорова и В.К.Гугуев объясняют со вмещением «царями» (в данном случае — «царицей») управленческих и культовых функций (там же, с. 182; Гугуев 1992, с. 126).

Вообще, женские захоронения занимают значительный процент среди богатых раннеалайских погребений начала н.э. (среди наиболее показательных, помимо уже упомянутых Комарово и Кобяково, можно назвать Хохлач и Соколову могилу). По богатству и значимости им трудно найти что-либо равноценное среди более ранних сарматских курганов. Но, как справедливо подчеркивает А.С.Скрипкин, напрашивается аналогия с довольно ярко выраженными матриархальными традициями у сако-массагетского населения Арало-Каспийского региона (Скрипкин 1990, с.209, 215; 1996, с.168). Памятники фольклора сохранили свидетельства о высоком общественном положении женщины у древних народов Приаралья и их участии в ратных делах (Толстова 1984, с. 186–208). Это перекликается с нартовским эпосом осетин и позволяет говорить о единых истоках данного явления.

В.И.Абаев обратил внимание на то, что в нартовском эпосе фольклорных «амазонок», включая прославленную Шатану, нередко называют *afsin* «хозяйка», «госпожа». В поисках этимологии этого термина ученый остановился на одноименном титуле среднеазиатских правителей. Титул *afsin* засвидетельствован ранними арабскими авторами у правителей Усрушана (последний *al-Afsin* — Хайдар — умер в 841 г.) и Согда (например, Гурек — «ихшид Согда, афшин Самарканда» в 737/8 г. заключил договор с арабским военачальником Муслимом). Здесь явно выступает нарицательное значение слова *afsin* «правитель». По убеждению лингвистов, *afsin* в своей форме носит явные черты сако-

массагетского (скифского) происхождения. «Мы имеем дело со скифским социальным термином, распространившимся по Средней Азии. Весьма возможно, что термин *afsin* восходит к массагетскому матриархату и служил первоначально наименованием массагетских правительниц типа знаменитой Томирис...» (Абаев 1958, с. 110–111).

Очевидно, в богатых женских ранне(прото)аланских погребениях, включая захоронение в Комарово, следует видеть наследниц громкой славы Томирис.

С начала н.э. в археологических памятниках юга России распространяются предметы т.н. «бирюзово-золотого» стиля (Симопенко 1989, с. 108–119). Аналогичные находки сделаны и на Украине. На левом берегу Днестра у с. Пороги были раскопаны мужское и женское богатые погребения с многочисленными вещами в бирюзово-золотом стиле (на некоторых из них тамга Инисмея), имеющие прямые параллели в Тиллятепе (Щукин 1994, с. 217). Большинство археологов появление этих предметов в юго-восточной Европе связывают с приходом новых сарматских племен, связанных происхождением со Средней Азией — алан. Более осторожен М.Б. Щукин, полагая, что не стоит в каждом погребенном с вещами бирюзово-золотого стиля видеть представителя именно аланской аристократии. Возможно, что стиль стал интернациональным, престижным, распространился в аристократической среде разных племен (там же, с. 209).

Обращает на себя внимание массовые аналогии предметов из раннеаланских погребений с инвентарем в Тиллятепе. Специфическими чертами последнего является наличие большого количества украшений, сосудов, корон и других предметов из золота, дорогих тканей с золотым шитьем (Литвинский 1982, с. 35; Сарияниди 1984, с. 144–152, ел.; 1989, с. 88–90, 110–111, ел.). Аналогичные находки сделаны в курганах Комарово, 10 Кобяковском, Косика, Пороги и др. Предметы из перечисленных курганов имеют сходство не только с Тиллятепе, но и с предметами из Бактрии, Центральной и Средней Азией; материалы курганов типа Хохлач имеют большое сходство с предметами из известных пазыркских курганов (Раев 1989, с. 116, ел.; Симоненко 1992, с. 153, ел.; Гугуев 1992, с. 124, 126–127, 129; Яценко 1993, с. 60–69; Прохорова 1993, с. 174; Дворниченко, Федоров-Давыдов 1994, с. 142, 145, 159, 174, 178–179; Щукин 1994, с. 207–208; Гугуев, Трейстер 1995, с. 143–156). С.А.Яценко (1996, с. 141–143), анализируя некоторые

изображения на художественных изделиях из курганов Кобяково, Косика и др. пришел к выводу, что они отражают этнические специфические сюжеты и имеют яркие параллели в нартовском эпосе и духовной культуре осетин.

В I в. н.э. в погребениях сарматской знати (на Волге — Косика, Жутово и др., на Нижнем Дону — Садовый, Дачи) появляются наплечные фалары 1b (по классификации В.И.Мордвинцевой), выполненные в «полихромном стиле», — импортные (бактрийские, парфянские) и сделанные на Боспоре. Со временем распространения в этих районах упряжи типа 1 совпадает время появления в степях юга России алан. По убеждению В.И.Мордвинцевой (1998, с.54, 59), «изменение в I в. н.э. области распространения упряжи типа 1 со всей очевидностью свидетельствует о перемещениях в кочевом мире».

Крупный могильник позднееримского времени открыт в Центральном Крыму в 20 км к юго-востоку от Симферополя, в 1 км от с. Дружное, на склоне горы Шпиль. Раскопано 86 комплексов: 25 склепов, 29 грунтовых (14 из них содержали захоронения коней) и 32 подбойные могилы. Известно, что подбои «были широчайшим образом распространены в Крыму, начиная с I в. н.э.». Их появление здесь все исследователи связывают с сарматским влиянием. К сожалению, в Дружном «современными земляными работами был уничтожен наиболее ранний участок могильника». Из оставшейся части наиболее ранними являются подбои второй четверти III в. «Во второй половине III в. н.э. отмечается приток новой большой группы людей, что хорошо прослежено в Дружном не только хронологически и культурно, но и топографически. Вероятно, это были аланы, пришедшие с Северного Кавказа ...» (Храпунов, Масыкин 1998, с. 146–147).

С первых веков н.э. в погребениях сарматов юго-востока Европы появляются «детали костюма, привнесенные с востока», золотые украшения, имеющие прямые аналогии в погребении 6 могильника Тилля-тепе « юэджийского царского кладбища нач. I в. н.э.». Эти инновации так или иначе связаны с аланами (Иштванович, Кульчар 1998, с.3, 5, 7).

Резюмируя все изложенное, присоединимся к мнению исследователей о том, что массовость восточных инноваций в культуре сарматов с начала н.э. вполне вписывается в контекст миграционных процессов той поры. «Больше всех на роль их распространителей могут

претендовать аланы...» (Скрипкин 1996, с. 165). В другой работе ученый отметил, что «аланы, весьма вероятно, были основателями крупного союза племен, который окончательно оформился в Восточной Европе» (Skripkin 1994, p. 283).

Сноски:

1 И это несмотря на неполноту информации о землях восточнее Каспия, о чем писал еще Геродот (IV, 16, 25); Страбон (XI, 6, 2) высказался очень категорично: «народы, жившие по ту сторону Каспийского моря, назывались одни саками, другие массагетами, причем писатели не могли сообщить о них ничего достоверного, хотя и рассказывали про войну Кира с массагетами. Вообще ничего положительного не добыто исследованиями об этих народах ... вследствие легкомыслия историков и их страсти к сказкам» (ДАСА, с.20). Ему вторил Плиний (V, 1, 17): «По ту сторону (Яксарта) живут скифские племена ... Количество скифских народов бесконечно и равняться они могут с парфянами. Знаменитейшие из них саки, массагеты, дай, эседоны ... Ни в одном другом вопросе (как о скифах) так не расходятся писатели;» (там же, с.126–127).

2 В переводе В.Ниландера и С.Соловьева: «Направишься к востоку и придешь К бродячим скифам; под открытым небом Они проводят жизнь свою в шатрах (Что движутся при помощи колес) И далеко из луков мечут стрелы. Разя врагов» (Скифы 1992, с.35).

3 Описанный Геродотом обычай скорее всего отражает ритуальный обряд шаманского типа. В таком случае «вой» находившегося в войлочном «шалаше» — это «пение шамана», одурманенного парами конопли (Грантовский 1970, с.288, ел.; Боигард–Левин, Грантовский 1983, с. 117–118). Описанный Геродотом обряд во всех деталях подтверждается археологическими находками в скифских курганах Алтая V–IV вв. до н.э. (Руденко 1952, с.243, ел.). В курганах найдены своеобразные шалаши из 6 связанных сверху жердей (Геродот говорит о 3–х), покрытых войлоком или кожей. В погребальной камере 2–го Пазыркского кургана обнаружены 2 шестиноги, стоявшие над бронзовыми курильницами, с побывавшими в огне камнями и обуглившимися семенами конопли; к шесту одного из «шалашей» была привязана кожаная сумка с семенами конопли.

4 Геродот рассказал о царице массагетов Тамирис, победившей опасного врага Кира, при этом назвал массагетов скифским народом.

Несколько веков спустя Помпеи Трог (Скифы 1992, с.248–249), повторив тот же рассказ о победе Тамирис, назвал ее «царицей скифов».

5 С конца VII в. верхи каганата опирались на иноэтнические дружины (Гадло 1984, с.28), включая аланские. Вскоре овская военная аристократия заняла здесь ведущие позиции. Во главе вторгшихся в 764 г. в Закавказье хазар стоял Астархан. «Он был главнокомандующим хазарской армии и предшественником беков, позже занявших первенствующее положение в Хазарском государстве, возвышаясь над самим каганом». Анализ М.И.Артамонова, а позднее и В.А.Кузнецова, показал, что «Астархан» — не личное имя, а титул «тархан асов», тархан алан (см.: Артамонов 1962, с.244–246; Кузнецов 1984, с. 108, 112).

6 В то время как «царь, его свита и все племя собственно хазар исповедовало иудейство...»

7 Уровень Каспия неоднократно менялся за последние 2 тысячи лет (Борисепков, Пасецкий 1988, с.58–59).

8 Назывались и другие даты. Э.Шарпентье, например, данные события относил к I в. (Charpentier 1917, S.361), Л.С.Ильюков и М.В.Власкин – к началу II в. (Ильюков, Власкин 1992, с.24–25).

9 Этот сюжет Страбона по-разному интерпретируется учеными. Одни полагают, что ничего отличительного в вооружении роксалан по сравнению с другими племенами он не нашел: «подобным же образом вооружено и большинство других варваров». И лишь ко времени Тацита у роксалан произошел переворот в военном деле – сложился особый вид панцирной конницы — катафрактарии (Перевалов 1999а, с. 65–66). Другие полагают, что в реконструкции эпизода войны с участием роксалан Страбон опирался на различные источники: Посидония, историков Митридатых войн, которые прямо или косвенно основывались на официальных документах. Logos Страбона включал в себя сведения, возможно, почерпнутые из эпиграфических текстов, декретов Херсонеса, в честь Диофанта — полководца Митридата в скифской кампании. Уже сам характер источников Страбона по данному сюжету не исключает предвзятого отношения к военным возможностям роксалан. Археологи отмечают в этой связи, что нарисованный «примитивный образ более соответствует стереотипам греческой этнографии, чем исторической реальности II и I вв. до Р. Хр.». Ф.Бози основную идею Страбона видит в стремлении показать плохую организованность варваров, не имевших шансов против компактной

фаланги эллинов. Возражая, итальянский исследователь подчеркивает, что, «по меньшей мере, наступательное вооружение (копье, стрелы и меч) могло появиться тогда и невероятно, чтобы роксаланы, сражаясь с Митридатом, использовали только шлемы, доспехи из толстой бычьей кожи и плетенные щиты». Более полной картина становится при использовании археологических сведений (Bosi 1994, p. 112)..

10 Мы называем фамилии лишь этих трех авторов, хотя данную идею разделяют и другие исследователи. В частности, аналогичную картину появления на исторической арене роксалан рисует СЮ. Сапрыкин. Согласно его версии, херсонесцы на протяжении II в. до н.э. вели упорную борьбу со скифами Скилура и Палака. Но если прежде они могли рассчитывать на помощь сарматов, то к концу столетия последние, среди которых особенно выделялись роксаланы, выступили в союзе со скифами против Херсонеса. Из почетного декрета в честь стратега Митридата Евнатора Диофанта, сына Асклепидора, следует, что роксаланы присоединились к Палаку в самый разгар кампании в степях Северного Причерноморья и не смогли устоять против хорошо организованной греческой фаланги Диофанта. Позиция сарматов в отношении скифов изменилась из-за намерения Митридата стать во главе всех варваров за перешейком Таврии вплоть до Борисфена. Сарматские вожди почувствовали угрозу своим интересам на Боспоре, что стало возможным после договоренности о его переходе к Митридату VI. Роксаланы, подчеркивает СЮ. Сапрыкин, «вступили в войну только после того, как поняли истинные намерения Митридата в Тавриде и Северо-западном Причерноморье и потому присоединились к своим извечным противникам — скифам, предав Херсонес» (Сапрыкин 1996, с. 133–134, 140–141). Сходной позиции придерживается Ф.Бози, обративший внимание на стремление Страбона выгодно оттенить достоинства войска Диофанта по сравнению с конницей варваров. Возможно, «настаивая на примитивности кочевников, греческий автор хотел объяснить более низкий уровень их тактики по сравнению с упорядоченной эллинистической фалангой...» (Статистическая... 1997, с.37–38). Появление роксалан в юго-восточной Европе во II в. до н.э. признают и другие археологи, например В.Е. Максименко (1983, с. 19).

11 Ритуальные захоронения баранов отмечены на обширной территории Евразии. В могильнике Тапхар VI в Забайкалье наряду с человеческими захоронениями обнаружено 6 погребений баранов. Почти

каждое из них располагалось рядом с погребениями людей. Захоронения целой туши барана встречены в горном Алтае (раскопки В.В. Радлова II Катандинского кладбища), Туве (раскопки СИ. Вайнштейна в урочище Ак-Довурак). Причем, СИ. Вайнштейн привел параллель между рассматриваемым обрядом и описанием китайской летописи «Вэй-шу» ритуала захоронения жертвенных баранов у древних уйгуров. Последние «при каждом громовом ударе» кричали, стреляли в небо; затем покидали это место, чтобы вернуться через год осенью. Здесь они «зарывают в землю барана и зажигают свеч с ножом, шаманка читает молитвы». Похожий обряд у алтайцев зафиксировал Г.Н. Потанин: «Алтайцы приносят жертву огню после первого грома. При этом колют рыжеголового барана... подле огня кладут на четырех углах тряпки. Кам в это время камлает вокруг огня». По мнению СВ. Данилова (1982, с. 229–232), «в этих сообщениях говорится об обряде, связанном с посвященным жертвенным животным».

12 Едва ли не с момента выхода «Илиады» один из ее сюжетов требовал объяснений; речь идет о фрагменте, где поэт упоминает «дивных доителей кобылиц млекоедов, и абиев, справедливейших из людей». Вплоть до наших дней большая часть исследователей сходится в том, что уже Гомер идеализировал известных ему номадов; в связи с этим предполагалось существование непрерывной традиции идеализации скифов от Гомера до авторов эпохи эллинизма. Однако недавно А.И. Иванчик (1999, с.7–45) убедительно опроверг эту версию, показав, что для античных авторов, особенно ранних, питание молоком — признак дикости, а вовсе не указание на идеализацию. У Гомера единственный идеальный образ в разбираемом пассаже — абии. И лишь в IV в. до н.э. меняется отношение к данному сюжету из поэмы Гомера и связано это с Эфором. Из текстов последнего, как полагает А. И.Иванчик, «становится ясно, что Эфор называл свой идеальный народ галактофагами, а слово абии в гомеровском тексте считал лишь эпитетом к нему». Видимо, начиная с Эфора можно говорить об идеализации скифов античными авторами. Этот же хронологический рубеж Л.И.Грацианская (1999, с.52–53) считает временем оформления литературного клише об идеализированном варваре, как воплощении простого, близкого к природе и непорочного образа жизни.

13 Необходимо, правда, отметить, что равенство асии=усуни признается далеко не всеми учеными. Против этого выступали

И.Маркварт, Г.Халоун, а такой видный зарубежный знаток китайской исторической ливистики, как Э.Пуллейблэнк, отождествление асиев с усунями назвал невозможным с историко-лингвистической точки зрения (Гафуров 1972, с. 131).

14 В этом смысле можно согласиться с Р.Фраем, что под аланами следует «понимать совокупность этнических групп» (Фрай 1972, с.221). Аналогичную позицию занимают многие исследователи (Абаев 1965; Клейн 1976; Малахов 1992; Ростовцев 1993; Вернадский//Архив СОИГСИ).

15 Р. Фрай пишет по этому поводу: «хотя я знаю, что полиандрия не характерна для алан, женщина играла важную роль в раннем осетинском обществе; как можно догадаться по слову *axsin*, которое В.И.Абаев соотносит с корнем 'править'. Не следует также забывать о легендах об амазонках и важной роли Шатаны в нартовском эпосе» (Frye 1996, p. 3).

Появление ранних алан на Кавказе

Январь 23, 2010

Традиционно считается, что в I в. на смену сарматам юго-восточной Европы и Кавказа приходят аланы. Противоречивую позицию в этом вопросе занимает М.П.Абрамова. С одной стороны, она вроде бы разделяет традиционную точку зрения: «Значительные события происходят в Предкавказье в I в. н.э., что, как представляется, связано с появлением здесь алан...» (Абрамова 1992, с.27). В другой работе она пишет, что «именно с I в. н.э. распространяется новый археологический комплекс, связанный со значительными изменениями, произошедшими как в погребальном обряде, так и в материальной культуре. Все эти изменения вызваны появлением на исторической арене алан». Указывая здесь же на почти полное отсутствие «погребальных памятников, связываемых с кочевниками-аланами», М.П.Абрамова вместе с тем подчеркивает: «это не может означать того, что аланы были непричастны к судьбам северокавказских племен либо были как-то обособлены от них» (Абрамова 1994, с. 13-14). В одной из последних своих монографий, обобщавшей многолетние поиски ученой, она последовательно опровергает многочисленные данные античной и закавказской традиции о пребывании алан на Кавказе в I в. н.э. (Абрамова 1993, с. 171-177, ел.). В историографии уже отмечены уязвимые места подобной интерпретации письменных и археологических памятников

(Markowin, Muntschajew 1988, S.89; Афанасьев 1992, с.83–97; Ковалевская 1992, с.23–26; Гаглойти 1995, с.11–21).

Выявляя причины изменений этнической карты юго-восточной Европы в середине I в., Ю.Г. Виноградов поддержал М.Б. Щукина в том, что «аорсо-сиракский конфликт, возможно, нарушил неустойчивую стабильность сарматского мира и заставил ряд групп сарматского населения двинуться на запад, подталкивая и вовлекая в движение новые группы» (Виноградов 1994, с. 164). Ю.Г.Виноградов обратил внимание, что изменения этнополитической ситуации в середине I в. фиксируется данными античной традиции. Страбон, последние изменения в свою «Географию» внесший около 20 г., аорсов локализовал между Танаисом и северным Прикаспием, южнее них, в Предкавказье, помещена территория обитания сираков; междуречье Дуная и Днепра географ отвел язигам, царским сарматам, ургам, бастарнам, а «равнины между Танаисом и Борисфеном» — роксаланам (Страбон 1993, с.259, 283–284).

Совершенно иную картину рисует Плиний, чей труд («Естественная история») увидел свет после гибели автора в 79 г. В IV книге он помещает аорсов вместе с роксаланами и аланами вдоль побережья Черного моря, а сираков — на левобережье нижнего Днепра. Правда, в VI книге Плиний аорсов называет среди племен у Каспия, т.е. там же, где их помещал Страбон.

Сопоставляя данные римских географов, Ю.Г.Виноградов приходит к выводу о том, что «около середины I в. отдельные группы сарматских племен — аорсов и сираков — откочевали с берегов Танаиса и Меотиды далеко на запад, в Буго-Днестровское междуречье и нижнее Поднепровье, где их присутствие фиксируется археологически» (Виноградов 1994, с. 165). Перемены в этнополитической ситуации в середине I в. на побережье Черного моря и Северном Кавказе отмечены и А.М.Ждановским (1990, с.45–46). Вероятно, какая-то роль в этих процессах принадлежала аланам. Т.к. в последнее время вопрос о присутствии алан на Кавказе в I–II вв. приобрел неожиданную остроту, разберем подробнее имеющиеся материалы.